

Дарья Кузнецова

Заведите себе дракона

Дарья Кузнецова

Заведите себе дракона

«Дарья Кузнецова»

2023

Кузнецова Д. А.

Заведите себе дракона / Д. А. Кузнецова — «Дарья Кузнецова»,
2023

Спасая израненного дракона, невеста как попавшего в Ледяной предел, эслада Актис просто выполняла долг и не задумывалась, чем это обернётся. Не ждала приключений и интриг, не рассчитывала на настоящую любовь, не мечтала о счастье. После недавней войны в её жизни не осталось для всего этого места, только добровольно взятые обязательства – и ничего для самой себя. Но если дракон твёрдо намерен завестись именно в этом доме, мнение выбранной хозяйки волнует его в последнюю очередь.

© Кузнецова Д. А., 2023

© Дарья Кузнецова, 2023

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дарья Кузнецова

Заведи себе дракона

Часть первая

Найдёныш

– А он красивый...

– Да ну, старый же!

– Ничего ты не понимаешь, мужчина должен быть заметно опытнее женщины. Тем более он дракон, бессмертное дитя стихии! Как и мы. Откуда такие вопросы?

– Ну ладно, не старый, а странный!

– И всё равно – красивый!

– Ничего ты не понимаешь в мужской красоте. Он же ры-ыжий...

– Не рыжий, а красный. Литис, у тебя опять проблемы с тёплой частью спектра! Как можно быть такой безалаберной?!

С последним утверждением я даже согласилась и мысленно сделала зарубку устроить Литис выволочку. Сколько раз просила её все изменения бытовой формы согласовывать со мной и только потом экспериментировать! И вообще, она уже в том возрасте, когда стоит окончательно определиться и не рисковать: пластичность энергетических каналов падает, каркас почти сформировался, и изменения даются всё труднее. Но нет же, девочка обожает сюрпризы и экспромты.

Заранее сочувствую её будущему супругу и теряюсь в догадках, куда такой подарок пристроить.

– Интересно, как он здесь оказался? И кто он, и почему один? – посыпались новые вопросы, которые, к слову, волновали и меня.

Но я слушала разговоры только краем уха, сосредоточенная на лечении. Драконов мне прежде исцелять не доводилось, поэтому процесс требовал максимальной концентрации. Принесённый сегодня ледяными вихрями пришелец был чуть живым, и права на ошибку я не имела, убить его могла любая мелочь.

Мужчина лежал на столе в учебной комнате – другого подходящего места в доме просто не было, – мои воспитанницы выстроились вокруг, чтобы всем было видно, а я стояла в изголовье, положив руки найдёнышу на виски: при телесном контакте исцеление даётся легче.

Ледяной Предел сообщил мне о появлении пришельца с час назад, и пришлось помучиться, пока мы его нашли. Судя по всему, дракон очень неудачно выпал из портала среди скал, не сумел набрать высоту, потом порывом ветра его швырнуло о камни, откуда пришелец свалился в трещину и, наверное, там уже перекинулся в бытовую форму. Если бы это случилось раньше, повреждений было бы больше.

Отыскивали мы его уже чуть живого – переломанного, истекающего кровью, истощённого и замёрзшего. И если с ранами тела я справилась достаточно быстро, строением в бытовой форме драконы почти не отличаются от нас, да и отогрелся найдёныш почти сразу, оставалась ещё одна серьёзная проблема.

Я знала способ с ней справиться, но на него нужно было решиться.

– Девочки, все всё видели? Запомнили? – строго спросила я воспитанниц.

– Да, Актис! – нестройным хором отозвались они.

– Кто ответит, почему он до сих пор не пришёл в себя?

Дракон, конечно, на грани, но это не повод отказываться от урока.

- Ты залатал телесные а раны, но он очень истощён энергетически.
- Верно, Натрис, – похвалила воспитанницу. – И как нам решать эту проблему?
- А влить просто так нельзя? – тоскливо поинтересовалась Аргис. – Энергетический каркас вроде бы целый.
- Ты что, он же ничейный! – возмутилась Натрис. – Это его убьёт!
- Верно, – вновь похвалила я. – Аргис, приготовь к завтрашнему дню короткую справку по драконам. Кто они такие, чем отличаются энергетически, как их положено лечить. Заодно ответь себе и девочкам на вопрос, как можно восполнить энергию ничейного дракона в полевых условиях и почему я сейчас заберу его в свою комнату, а вы не станете беспокоить меня до завтрашнего дня, пока я сама не выйду. Если, конечно, не случится ничего неожиданного вроде проснувшегося под домом вулкана.
- А зачем он тебе? – удивилась не только старшая из девочек, бесконечно далёкая от науки Аргис, но и остальные.
- Вот это вы мне и расскажете, – со вздохом сообщила я, магией заставляя своего пациента подняться над столом и нырнуть в открывшийся рядом портал. – Холодной ночи, девочки, – попрощалась через плечо.
- Холодной ночи! – хором ответили они.
- Я не сумела удержаться от нервного смешка. Да уж, холодной... Мечты, мечты!

* * *

Все нормальные дети стихий для поддержания своего существования нуждаются в сырой природной силе, *чари*, которая наполняет Мир и его Пределы. Чарь – это сама суть жизни, та сила, которая возникла из Изначальной Тьмы и на заре времён воплотилась во множестве миров, многократно усложнившись.

Прежде элады, да и остальные дети Пределов, почти целиком состояли именно из неё – из одного из четырёх видов чари, которые смертные, не разбираясь, называют стихиями. Теперь мы изменились, и теперь это лишь одна из составляющих, нужных нам для жизни. Мы теперь не только *чареем*, поглощая эту сырую силу, но, как и обитатели Мира, нуждаемся и в сложных комбинациях изначальной энергии – дышим, питаемся.

У смертных чистая чарь служит основой для всей без исключения магии, именно умением её усваивать и перерабатывать определяется сила магов, и в неё же постепенно, развеваясь, превращаются любые чары. Недаром слово «чары» происходит от того же корня. Разница между нами и жителями Мира в том, что они без чари не могут только магичить, а мы – жить.

А вот драконы – отдельный случай. У них незамкнутая энергетическая структура, и помимо чари и её сложных форм – еды, воды, пищи, – им нужна энергия, которую дают эмоции и чувства других разумных существ. Она представляет собой частично переработанную чарь, нечто среднее между чистой изначальной силой и прочими формами материи и энергии.

Поэтому драконы почти не способны жить в одиночестве. Раньше, в древности, они существовали большим тесным сообществом, имели очень прочную эмоционально-энергетическую связь друг с другом и были неспособны удаляться от гнезда на значительное расстояние. День, два, а дальше начиналось истощение. Поэтому смерть одного члена стаи для них была общей трагедией, а рождение нового детёныша – огромным общим счастьем.

Постепенно они эволюционировали. Современные уроженцы Огненного Предела могут накапливать силу, чтобы несколько дней протянуть без подпитки, умеют получать недостающую энергию от иных видов, но по-прежнему не способны жить в одиночестве. Сейчас большинство их обитает в Море, среди смертных, и получает энергию от них. У каждого дракона есть хозяин – существо, на которое с помощью несложного ритуала замыкается энергетиче-

ский каркас огненного создания и которое принимает на себя обязанности по обеспечению «питомца» всем необходимым.

Насколько я знаю, для хозяина подобное «кормление» необременительно: драконы не высасывают эмоции и душевные силы, а довольствуются теми крохами энергии, которые любое живое существо естественным образом выбрасывает в окружающий мир. Какую пользу в ответ приносят драконы, я не знаю, но наверняка какую-то приносят, если желающие занять в личное пользование такого вот чешуйчатого питомца всегда находятся. Даже, говорят, спорят за эту честь.

Взрослый бесхозный дракон, да ещё здесь – это... это как вулкан посреди Ледяного Предела, помянутый мной только что. Невозможно, немыслимо! Однако – вот же он, лежит. Крупный, сильный, матёрый даже в бытовом обличье. В ухе семь серёжек, небольшие колечки с чеканным узором – память о прежних хозяевах, которых он пережил. Либо жизнь была насыщенной, либо хозяев он себе выбирал исключительно недолговечных, либо ему уже по-настоящему много лет. А узор принадлежности на запястьях отсутствует.

Что делает этот уникум посреди Ледяного Предела? Как он сюда попал, как сумел открыть портал, не зная толком конечной точки перемещения, и, главное, зачем всё это?!

Я раз за разом задавала себе эти вопросы и не находила никаких вариантов ответа, даже самых фантастических. Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда!

Изначальная Тьма, а мне сейчас ещё придётся это несуществующее огненное создание... лечить. Практически с риском для жизни. Для душевного равновесия – так уж точно!

Нынешние драконы способны выжить тремя способами: постоянная связь с хозяевами, общество нескольких сородичей и тот, которым я намеревалась воспользоваться. Любые сильные эмоции случайного живого существа, направленные лично на чешуйчатого. Например, если бы я вдруг сумела искренне возненавидеть своего неожиданного пациента, тому бы это здорово помогло.

Но увы, я ощущала только растерянность, жалость и досаду, и все эти чувства были недостаточно сильны, чтобы насытить раненого. Находишь дракон в сознании, всё было бы проще, он мог бы вывести меня на что-то более яркое. А так... какие чувства можно испытать к неподвижному телу незнакомца?

С помощью подручных средств можно спровоцировать себя на ярость, вынудить проявить агрессию, но где гарантия, что пациент после этого выживет? А если отбросить злость, вариант я видела всего один: физическое вожделение. Дракон хоть неподвижный, но живой, тёплый и действительно привлекательный, а я хоть и в растерянности от подобной перспективы, но... совсем уж дикой эта идея не кажется. Главный вопрос, готова ли я заплатить такую цену? Всё-таки близость с незнакомым мужчиной остаётся близостью независимо от причин, а мой образ жизни никогда не отличался подобной вольностью.

Но с другой стороны, велика ли цена? Я давно уже не девочка, верность хранить некому, с гордостью... тоже всё сложно. Вот совесть – та живет всех живых, и если этот дракон остынет у меня на руках, она меня совсем заест.

Да и вообще, уж кому бы ломаться! Я не прикасалась к мужчине несколько лет и такими темпами имела все шансы не прикоснуться до конца своей потенциально вечной жизни. Сейчас же передо мной лежал превосходный образчик мужской красоты и стати, пользуйся в своё удовольствие, да и повод более чем достойный – спасение его жизни. И уж точно дракон по пробуждении не обидится на меня за это, для огненных интимная близость – просто ещё одна форма общения и обмена энергией. Никаких церемоний, свойственных другим видам.

В конце концов я решилась, отбросила сомнения и попыталась сначала добиться нужного настроения естественным путём. Скинула одежду, уселась на обнажённого дракона верхом. Дышал найдёныш неглубоко, слабо; сердце под моими руками билось медленно и едва ощутимо. Пара часов – и не будет больше дракона...

Провела ладонями по широкой груди – плоские, твёрдые плиты мышц, горячая смуглая кожа, бархатистая и очень приятная на ощупь. Бледные и самую малость вдавленные красные разводы на плечах, тыльных сторонах рук, на боках и бёдрах обозначали крупные чешуйки, похожие на змеиные. Вроде бы ещё не чешуя, но уже не кожа. Рисунок был плотным и очень гладким – наверное, таким дракон становится весь целиком, когда меняет ипостась.

Сильные, жилистые руки, поджарые бока, узкие бёдра, длинные ноги – найдёныш был хорош, очень хорош. Яркие, рубиново-красные пряди растрепавшихся волос змеились по моей подушке, лежали на его плечах. Волосы были густыми и жёсткими.

В Море говорят, что жёсткие волосы – признак крутого нрава. Глупость. У моего покойного мужа они были мягкими, даже пушистыми...

Одной ладонью опираясь на грудь дракона, пальцы другой я запустила в его гриву, прислушиваясь к своим ощущениям. Склонилась к лицу, пристально разглядывая его черты – странные, непривычные. Узкий нос, высокие скулы, тонкие светлые губы. Хищное лицо, нездешнее; даже если мысленно расцветить его знакомыми, привычными красками, никогда не спутаешь.

Я на пробу коснулась губами губ мужчины, уловила запах – острый, резкий, чуть кислотный. Самую малость змеиный, но больше похожий на какие-то пряности. Станный, но скорее приятный, чем нет.

Губы его были мягкими, сухими и тёплыми. И совершенно неподвижными.

С тяжёлым вздохом я распрямилась. Я чувствовала себя не возбуждённой женщиной и прекрасной соблазнительницей, а дура душой. Тело категорически не желало вспоминать, что приятного находят двуполые в подобных развлечениях, не хотело пробуждать в себе первобытные инстинкты и не стремилось в порыве страсти наброситься на потенциального любовника.

Ну мужчина. Ну лежит. И что?

Отодвинувшись чуть назад, я погладила ладони найдёныша, его бока, кончиками пальцев пощекотала плоский живот, провела от пупка вниз, к... хм, пусть будет, мужской гордости дракона. И сам дракон, и его гордость предсказуемо оставались безучастными к прикосновениям. Ну да, какой уж тут интим и инстинкты, когда смерть положила руки на плечи!

– Ты со мной до конца жизни не рассчитаешься, ящерица! – раздражённо сообщила я пациенту и сползла с чешуйчатой недвижности.

Древние его поберите!

Ладно, я ведь упрямая, и если приняла решение, то назад не поверну. Будет ему горячая ночь. Я, в конце концов, целитель и химик, а это – просто химия тела!

Оставив мужчину лежать, я отправилась в небольшую лабораторию, примыкавшую к моей спальне. Она осталась со старых времён, когда я была ещё замужней дамой, и в последние годы использовалась редко. Сейчас весь большой дом находился в моём полном распоряжении, поэтому я давно оборудовала себе новую – более удобную, просторную и лучше оснащённую, но сейчас не требовалось что-то сложное. А одеваться и идти куда-то не хотелось, только лишние траты времени, которого у найдёныша и так почти не осталось.

Немного реактивов, немного магии, несколько минут – и вот в стеклянном нутре шприца мягко переливается золотыми сполохами жидкость, похожая своим видом на смолу.

Жгут на руку, пара минут на то, чтобы с шипением и тихой руганью наконец-то попасть в вену. Не люблю делать себе уколы, особенно такие, но это самый простой, быстрый и эффективный способ ввести нужные вещества. Магией сложнее, да и воздействие зелья может непредсказуемо исказиться. Нет уж, в таких мелочах я предпочитаю не экспериментировать, проще чуть-чуть помучиться.

От крови, которую я втянула в шприц, содержимое его приобрело неприятный коричневый оттенок, но золотые искры засияли ярче. Отправив их в путь по собственным венам,

я убрала жгут, шприц, согнула руку в локте и окинула ищущим взглядом стол. Надо бы прибраться, но... ладно, подождёт. У меня дракон умирает, не будем отвлекаться.

Сложно сказать, почему я так вцепилась в найдёныша и столь упрямо старалась удержать его на этом свете, согласившись и на такой способ тоже. Дело, наверное, даже не в жалости и страхе перед муками совести – в усталости. Нет, я люблю своих девочек, рада передать им всё, что знаю сама, научить и подготовить к взрослой жизни, подобрать им достойных спутников, но... Я смертельно устала от того, что вокруг ничего не меняется. Никаких новых лиц, никаких событий. Никакого будущего.

По собственному желанию и воле изменить я ничего не могла, но почему бы не воспользоваться шансом? Не переломить свою судьбу, но хотя бы отвлечься, встряхнуться, забыться. Это стыдно и неправильно, но мне хотелось каких-то новых впечатлений, новых или хорошо забытых эмоций. Ярость, вожделение – не важно. А дракон и правда... красивый.

На мысли о том, что в моей постели лежит полностью обнажённый эффектный мужчина, тело отозвалось горячей волной, скатившейся от шеи к низу живота и собравшейся в тянущее, сладкое чувство возбуждения.

Ну вот и заработал афродизиак, я же говорю, уколы – отличный способ! Пара минут, и я уже на всё готова. Интересно, не переборщила ли с дозой?

А впрочем, переживу! Моё тело не так просто убить.

В этот раз к кровати я подходила уже в другом настроении и с другими ощущениями. Взгляд ласкал мужское тело, а от предвкушения подрагивали пальцы – настолько хотелось вновь коснуться горячей кожи, ощутить едва заметный рельеф чешуи. А главное, прижаться к его телу, ощущая силу и твёрдость, вдохнуть острый, терпкий запах и ощутить, как ускоряется его сердцебиение, как отступает сковавшая мышцы мужчины неподвижность...

Пульс от желания сбивался, и сейчас меня не смущало, что дракон, на чьих бёдрах я сижу, без сознания и по-прежнему совершенно равнодушен. Куда он денется, ответит. Пусть только попробует не ответить! Лично отморожу ему всё лишнее или удавлю собственными руками, если окажется, что я напрасно пичкала себя всякой гадостью!

Губы и язык ласкали шею и ключицы дракона, пальцы гладили грудь и плечи, и вожделение только крепло. Я чувствовала, что плавлюсь, и ощущение становилось уже мучительным, а дракон не спешил приходить в сознание.

Прикрыв глаза, я вновь выпрямилась и положила ладонь мужчины себе на грудь, слегка сжала, наслаждаясь прикосновением. Красивая ладонь – пропорциональная, с длинными пальцами, увенчанными острыми когтями. Не огромная, какие бывают у воинов, но как раз того размера, чтобы грудь моя уместилась полностью.

Дракон вообще весь целиком был именно таким, как надо. Высокий, но не чрезмерно. Крепкий и сильный, но не могучий здоровяк, а жилистый и гибкий, как змея.

Три события произошли почти одновременно, сменив друг друга с такой скоростью, что я не успела отреагировать.

Сначала я, сидевшая на бёдрах мужчины верхом, ощутила, что мои прикосновения вызвали отклик в его теле. Потом рука дракона, которую я к тому моменту медленно перевела себе на бедро, рефлекторно сжалась. А потом дракон открыл глаза.

В слабом холодном свете, наполнявшем комнату, они сверкнули, как два драгоценных камня – непривычно яркие, насыщенного цвета. Изумруд и жёлтый топаз, рассечённые узкими чёрными трещинами зрачков.

Разные. У него разные глаза. Такое бывает?!

Однако всерьёз задуматься об этом я не успела. Дракон явно не привык или просто не желал быть снизу, и через мгновение мир перевернулся, а я оказалась вжата в простыни сильным жилистым телом. И спросить я ничего не успела, потому что рот мне закрыли поцелуем.

У него имелись острые клыки, две пары, но остальные зубы казались обычными. А ещё у него был раздвоенный язык, и ощущение это придало поцелую непривычную остроту...

Впрочем, язык скоро стал нормальным, клыки тоже ощутимо уменьшились, а желание анализировать у меня окончательно прошло. Афродизиак из крови должен был вывестись за десять-двадцать минут, но случилось это или нет – я уже не узнала. Ночь и в самом деле выдалась очень жаркой.

За всё это время мы не обменялись ни словом. Я не знала, что говорить, да и возможность задуматься об этом не выпадала, а дракон не задавал вопросов. Он молча и уверенно, без малейших сомнений брал то, что ему предлагали – меня, мою силу и моё дыхание. Вот только лицемерием было бы жаловаться: любовником найдёныш оказался отличным, чутким и заботливым, а моё тело, как выяснилось, очень истосковалось по мужским ласкам.

Вымотанная, уставшая, наполненная ленивой истомой, уже под утро засыпая на крепком плече дракона, о котором я не знала ничего, включая даже имя, я в полусне вспомнила своего покойного мужа, представила его реакцию, если бы он всё это увидел, и едва не захихикала от удовольствия. О-о, Иккас был бы в бешенстве!

Заснула я совершенно довольной и умиротворённой, а вот утром пришло... похмелье?

Меня разбудил резкий сильный рывок. Я вскрикнула от неожиданности, и в следующее мгновение обнаружила себя в странном положении: лёжа на животе, с заломленной за спину левой рукой и прижатой к телу правой, придавленная сверху чем-то тяжёлым и горячим. Ещё пара секунд понадобилась на то, чтобы сообразить: дракон. Это он сидел на мне верхом и удерживал за руку.

– Что ты делаешь?! – возмутилась я, поворачивая голову набок, чтобы подушка не мешала дышать и говорить.

– Не дёргайся, ты причиняешь себе боль, – невозмутимо отозвался чешуйчатый.

Голос у него был глубокий и звучный, красивый, и говорил красноволосый с характерным рычащим акцентом, чуть шепелявя. Языком Мира он владел уверенно, явно демонстрируя большую практику. А впрочем, что удивительного для дракона, пережившего семерых хозяев?

– Я причиняю?! – окончательно опешила я от такой наглости, снова дёрнулась – и зашипела от боли в плече. – Это твоя благодарность за спасённую жизнь?! – процедила зло.

– Благодарить буду чуть позже, – с тем же спокойствием сообщил он.

– Ой! Да что ты там делаешь?! – я негромко вскрикнула – скорее от неожиданности, чем от боли, – когда острые клыки мужчины впились в край моей ладони. Не пытаясь отгрызть кусок, но явно до крови. Потом дракон легонько подул на рану, провёл по ней языком, будто извиняясь. – Прекра... ап!

Новую попытку возмутиться прервала ладонь мужчины, ребром которой он заткнул мне рот. Правда, всего на несколько мгновений, я даже, опешив от наглости, не успела укусить его как следует в ответ. На языке появился пряно-солончатый привкус. Странно. Помнится, вчера я целовала дракона решительно везде, и ничего такого...

Я снова вскрикнула, теперь уже от удивления, когда по телу снизу вверх прокатилась странная горячая волна – будто ветер завился вокруг, лаская кожу. На мгновение шею обхватило тёплое, почти осязаемое кольцо, а потом все непонятные ощущения пропали. И я вдруг почувствовала себя совершенно спокойной, даже счастливой, невзирая на ничуть не изменившееся положение в пространстве.

– Что за... – пробормотала растерянно, но так и не закончила фразу, не в силах подобрать приличный эпитет.

– Вот теперь можно разговаривать, – жизнерадостно сообщил дракон, выпустил мою руку и даже слез с меня, позволяя наконец сделать глубокий вдох и развернуться.

Я поспешно села, глядя на мужчину с возмущением и запоздало вспоминая, что я здесь – у себя дома, а бесхозный дракон посреди Ледяного Предела слаб, как новорожденный котёнок.

– Ну, говори, – процедила мрачно, чувствуя, как голове становится легко-легко.

Почему-то у эслад волосы при смене ипостаси всегда изменяются первыми – такая вот странная частичная трансформация в моменты эмоционального напряжения. Гладкие пряди оборачиваются плотным вихрем крошечных льдинок, клубящихся вокруг головы и живым невесомым шлейфом спадающим на спину. Волосы – и руки, кончики пальцев которых превращаются в острые льдинки-когти.

– Не советую, хозяйка, – радостно, во всю пасть скалясь, сообщил чешуйчатый и продемонстрировал мне запястья, охваченные широкими браслетами выпуклого серебристого узора, состоящего из вязи смутно знакомых символов – знаков драконьего языка.

Я вгляделась в них, потом посмотрела на лицо жутко довольного найдёныша, потом опять на запястья...

– Но... как?! – выдохнула почти беззвучно.

– Ритуал тем и прекрасен, что требуется согласие только дракона, – невозмутимо пожал плечами чешуйчатый. – Как бы подразумевается, что хозяин не может возражать. Он же *хозяин*, – последнее слово прозвучало с отчётливым ехидством.

– Ты ненормальный, – потерянно качнув головой, пробормотала я. – Полностью, совершенно! Да чтоб я ещё хоть раз помогла кому-то незнакомому...

– Не дуйся, красавица, – проговорил дракон, даже не пытаясь изобразить раскаяние или печаль. Узкая физиономия его светилась довольством и благодушием.

Мужчина потянулся ко мне, взял за плечи, чтобы привлечь ближе, и повалился на постель, обнимая обеими руками. Я не сопротивлялась, слишком шокированная последними событиями. Да ещё и не проснулась толком, а тело после бурной ночи слегка ломило; пусть сладко, приятно, но лежать в любом случае было гораздо легче, чем сидеть. А кроме того... Чего теперь-то дёргаться? Что могло случиться, уже случилось.

– Зачем ты это сделал? – спросила я негромко.

– Ты мне понравилась, поэтому я решил не упускать возможности, – ответил он. – Впрочем, я ощущаю поблизости ещё несколько очаровательных юных ледышек, и если ты...

– Не смей трогать девочек, ящерица! – в мгновение с шипением взвилась я, забыв о неге и растерянности. Опираясь о кровать одной рукой, нависла над мужчиной. Когти упёрлись в нежную кожу под его челюстью, слегка царапая.

Дракон не то что не стал сопротивляться, он без малейших сомнений подставил горло, чуть запрокидывая голову, чтобы мне было удобнее. Разные глаза при этом оставались спокойными, хитрыми и насмешливыми.

– Не ревнуй, красавица. Я же выбрал тебя, – широко осклабился он. – Между нами говоря, мне не улыбается видеть в хозяевах ребёнка, так что ты подошла идеально.

– Точно, больной, – мрачно резюмировала я, отводя руку, после чего опять упала на кровать, уронив голову на плечо дракона.

Его пальцы тут же нырнули мне в волосы, мягко массируя кожу. Я в ответ устало прикрыла глаза.

Хорошо.

– Это похоже на бред, – пробормотала наконец. – Почему я лежу тут с тобой и таю от прикосновений вместо того, чтобы взять за загривок и выволочь наружу в чём есть?

– Потому что ты добрая, – сообщил он с прежней невозмутимостью. – А ещё потому, что тебе нравится вот так лежать, таять от прикосновений и совсем не хочется вставать и тем более куда-то идти.

С ответом я не нашлась.

Я привыкла выполнять долг. Меня приучили к этому с детства, нас всех учили. Женщины хранят и берегут Ледяной Предел, мужчины принимают решения и строят Мир по своему усмотрению. Женщина должна плести нити и вязать узлы, женщина должна рожать детей,

женщина должна быть тихой, сдержанной, спокойной, мудрой, предусмотрительной. Должна, должна, должна...

Мы впитывали свои обязательства с материнским молоком, мы росли с ними и не видели в них ничего дурного. Это была наша жизнь, и мы были счастливы.

Страшны не условности и правила; страшно, когда два самых важных правила вдруг начинают требовать противоположного. Когда все мы, весь Ледяной Предел оказался в таком положении...

Слишком многие из женщин в тот момент предпочли просто уйти, им не хватило сил сделать выбор, хоть какой-то. Не хватило воли самостоятельно решить, что они считают более важным. Я была среди тех, кто справился, многих подтолкнула к выбору, и по сей день не сомневалась в правильности принятого решения, несмотря на все... последствия. Потому что в противном случае всё сложилось бы гораздо хуже.

Сейчас я воспитывала девочек так, чтобы они учились думать своими головами, а не полагались на одни только правила и законы, чтобы жизнью их руководили ум и сердце, а не сборник старых ритуалов. Наверное, моя мать была бы в шоке, посмотри она, что получалось под моим руководством из приличных юных эслад, но я гордилась проделанной работой. Может, они не образец выдержки и мудрости, но каждая из них не станет пасовать перед трудностями. Да, они будут ошибаться, но лучше сделать неправильный выбор, чем отступить и сдаться, даже не предприняв попытки.

Наверное, за эти годы я так привыкла протестовать против установленных тысячи лет назад порядков, что сейчас, с драконом, это стало закономерным итогом.

Чужак здесь, согласно старинным устоям, он был повинен смерти уже за одно то, что пересёк границы Ледяного Предела. А моё сердце давно презрело прочие обязанности, кроме одной, самой священной: хранить жизнь, любую жизнь. Вот я и вцепилась в этого ящера. Не задумываясь о последствиях, отбросив здравый смысл и элементарную осторожность, не выяснив, как мог этот дракон оказаться на наших землях. Я упёрлась в своё желание спасти ему жизнь, снова доказать себе самой, что сделанный тогда выбор был верным, а дальше... всё вышло как вышло.

Может, не так уж я и уверена в себе, как хочу думать? Если до сих пор требуются доказательства.

– Что ты натворил? Там, в Мире? – спросила я негромко.

– Что? – растерянно уточнил найдёныш. – В каком смысле?

– Ледяной Предел – последнее место, где кто-то догадается искать дракона. Конечно, потом этот некто сообразит, но далеко не сразу, а значит, у дракона будет хорошая фора. В остальном сыну огня нечего здесь делать, да ещё и бесхозному сыну огня. А если ты от кого-то прячешься – значит, скорее всего, что-то натворил. И мне хочется знать, что. Я ведь имею на это право, верно?

– Да ничего такого я не творил, – рассмеялся он. – Я просто... ушёл. Мне не понравился предоставленный выбор хозяев, и я предпочёл поискать другого самостоятельно.

– Что же там за выбор был, если все они – хуже первой попавшейся эслады? До которой ты ещё и добирался с риском для жизни, – поразила я.

– Если бы ты не подошла мне, я бы тебя не выбрал, – логично возразил огненный. – Но если «первая попавшаяся эслада» оказалась настолько интересной и подходящей, глупо отказываться.

– А спросить у этой эслады, хочет ли она, не нужно было, да? – поинтересовалась недовольно.

Я чувствовала, что какие-то детали собеседник утаивает и не всё так просто с его визитом, но настаивать не стала. Напрямую стихийные существа, включая драконов, никогда не врут, поэтому пока можно принять выданную им версию.

– Если бы не хотела, не отогревала бы меня так увлечённо и самозабвенно целую ночь, – расхохотался мужчина.

– Я не извращенка, чтобы на полумёртвые тела набрасываться. Пришлось принимать... препараты, – проворчала невесть зачем. Кажется, из одного только духа противоречия.

– Сама же приняла, – предсказуемо парировал чешуйчатый. – По доброй воле, никто тебя не заставлял. Я уж не говорю о том, что препарат этот ты приняла один раз, а потом как-то обходилась без него.

– Одно дело – провести вместе ночь, а совсем другое... вот это! – буркнула я и двумя пальцами приподняла его руку за запястье, демонстрируя узор.

– Какая ветреность! – прицокнув языком, укорил он. – Ай, да не переживай ты так, нам будет хорошо вместе. Я же дракон, я неплохо в этом разбираюсь.

– Что дракону хорошо, эсладу смерть, – ответила я старой поговоркой. – И много ты знал моих сородичей, чтобы такие выводы делать? – поинтересовалась, но тут же продолжила: – Ладно, как тебя зовут, специалист?

Ответить на первый вопрос я не позволила сознательно. Учitando напряжённые в последнюю пару тысяч лет отношения Ледяного Предела с остальным Миром, не хочу знать, при каких обстоятельствах дракон прежде встречался с моими сородичами.

– Шерху, – коротко отозвался он.

– И всё? – хмыкнула я. Даже я, ни разу не покидавшая Ледяного Предела, знала, что у драконов это самое распространённое имя, чуть ли не каждого второго зовут Шерху – «огне-рождённый» на их языке.

– Мне хватает, – отмахнулся мужчина. – А как имя моей хозяйки?

– Актис, – ответила ему. Очень своевременное знакомство, да... – Ладно, довольно валяться. Еда сама себя не приготовит, и я уже не говорю о том, что девочки меня ждут, – посетовала я и нехотя завозила, выбираясь из тёплых объятий.

Проспали мы всего пару часов, и этого оказалось катастрофически мало: дракон неплохо выжал меня и физически, и энергетически. Впрочем, я не сердилась, ему действительно было нужно, а восстановиться на родной земле мне проще, чем этому чуждому элементу.

– Я с тобой! – отозвался чешуйчатый.

– Кто бы сомневался, – вздохнула и поплелась в ванную.

Разумеется, дракон увязался следом. И, разумеется, моя маленькая месть – ледяная вода, хлынувшая с потолка ванной комнаты – не достигла цели. Шерху не только не шархнулся с возмущением, он сгрёб меня в охапку, прижался всем телом и интимно проурчал на ухо:

– Придётся теперь меня отогревать, хозяйка!

Воду я сразу же пустила тёплую, только на намерениях дракона погреться за мой счёт это уже никак не сказалось. Поначалу я ещё пыталась сопротивляться, но Шерху оказался гораздо упорней. Он вообще, похоже, относился к числу тех существ, которым проще дать то, что они просят, чем объяснять, почему они не могут этого получить. Ох, чувствую, намучаюсь я с ним!

Правда, намучаюсь где-то ещё, в других местах и обстоятельствах. Что бы я ни говорила, как бы ни корила себя и найдёныша, но сдавалась на милость победителя без особых сожалений. Чуткие пальцы, нежные губы, шаловливый язык огненного создания очень легко и быстро добивались от меня нужной дракону реакции. Минута, две, и я с тихим обречённым вздохом откинула голову на плечо мужчины, стоявшего позади меня, и прикрыла глаза.

Никогда не замечала за собой такой легкомысленности и похотливости. И вроде бы дракон не делает ничего такого, чего не делал муж, и вроде бы раньше я была уверена, что знаю вкус чувственных удовольствий. Может, в самом деле проблема в долгом воздержании? Или сам дракон какой-то особенный и запах его действует как вчерашний афродизиак? Или это со всеми драконами так?

– Все драконы такие озабоченные? – негромко, чуть отстранённо спросила я.

Шерху в ответ тихо засмеялся, щекоча дыханием ухо. Распластал мои ладони по стене, прижал своими, заключив меня в своеобразную клетку, провокационно потёрся бёдрами о мои ягодицы, давая понять, что один конкретный дракон именно сейчас действительно очень озабочен. И только потом ответил:

– Мне нравится, как ты реагируешь. Возбуждение, смущение, растерянность, удовольствие – интересное сочетание. Вкусно. Прогнись, – голос прозвучал твёрдо, уверенно, повелительно.

Я сначала подчинилась, и только потом подумала, что раньше как-то иначе представляла себе взаимоотношения дракона с хозяином. Но развить мысль не успела. Шерху вошёл в меня одним плавным сильным движением, заставив негромко всхлипнуть и зажмуриться, полностью сосредоточившись на восхитительном ощущении наполненности, завершённости, целостности своего тела.

– Хор-рошо, – хрипло прооручал он.

Раздвоенный язык пощекотал шею. И я очень отчётливо поняла: это было не выражение ощущений дракона, а похвала.

Определённо, я многого не знаю про отношения драконов с их хозяевами!..

Несколько неторопливых движений бёдрами – длинных, выраженных, когда он почти полностью выскальзывал, а потом вновь входил до конца – заставили забыть о постороннем, сделав мысли вялыми, медленными, будто замороженными.

– Тебе нравится?

От голоса мужчины, от жара его тела, от завораживающе медленных, сводящих с ума движений я далеко не сразу сумела вспомнить, как звуки складываются в слова, и поначалу ответила только бессвязным стоном. Но потом выдохнула негромко:

– Да...

– Тогда почему сопротивляешься? – с тихим смешком спросил дракон и – отстранился! Не полностью, продолжая удерживать меня, прижиматься всем телом, но от ощущения неудовлетворённости и пустоты внутри на глаза сами собой навернулись слёзы, а из горла вырвался разочарованный стон.

– Шерху! – возмущённо выдохнула я.

– Хочешь – попроси. Или прикажи, ты же хозяйка, – явно получая от происходящего массу удовольствия, рассмеялся чешуйчатый мне на ухо.

– Ты!.. Древними проклятый извращенец! Пусти! – прошипела я, дёрнувшись в его руках – и тут же оказалась прижата к стене сильным телом.

– Уверена?

Дракон провёл языком по шее, пуская по коже волну мурашек, а потом, не дожидаясь ответа, и правда выпустил мои руки. Но далеко, впрочем, не отодвинулся, остался стоять почти на том же самом месте, упираясь ладонями в стену по обе стороны от меня. Я развернулась – и столкнулась с насмешливым, горячим взглядом разноцветных глаз.

– Сам-то тоже останешься неудовлетворённым! – проговорила я зло и раздосадованно, теряясь от нелепости и глупости происходящего. Зачем ему всё это? Чего он добивается?!

– Совсем не обязательно, – широко ухмыльнулся дракон. – Секс – это простой и надёжный способ получить эмоции, но есть и другие. Например, его отсутствие. А физическое напряжение легко можно снять. Это не так приятно, но тоже неплохо, – продолжая насмешливо скалиться, он взглядом указал вниз, опустив одну руку.

Я машинально проследила за этим движением – и вспыхнула не то от смущения, не то от возмущения, потому что дракон этой самой ладонью принялся неторопливо ласкать себя.

Или в жар меня бросило всё-таки от желания при виде обнажённого и возбуждённого мужчины, чей запах дурманил голову и чьи прикосновения отлично помнило моё тело?

На несколько мгновений я замерла, почти заворожённо следя за медленными движениями мужской руки, а когда отчётливо поняла, что все мои помыслы сосредоточились там, внизу, и больше всего мне хочется сейчас заменить его руку своей, коснуться нежной бархатистой кожи, заставила себя вновь вскинуть взгляд на лицо Шерху.

Он улыбался с таким самодовольным видом, как будто прочитал мои мысли.

– Ты!!! – выдохнула, не находя цензурных слов, чтобы выразить собственные эмоции.

– Я, – невозмутимо подтвердил дракон, подался ближе, почти прижимаясь. – А ты пробоваала доставить себе удовольствие, Актис-с? Я бы нас-ладилс-ся этим зрелищем...

Прекратив трогать себя, тыльной стороной ладони он, говоря всё это, провёл по моему животу от пупка вниз, туда, где жарко ныло от возбуждения. Яркие разноцветные глаза в это время не отпускали моего взгляда, и читалось в них ответное желание такой силы, что у меня перехватило дыхание. Себя он, кажется, мучил ещё больше, чем меня, и при этом совсем не выглядел рассерженным или расстроенным.

И я отчётливо поняла, что, если сейчас оттолкну его, он спокойно уйдёт и действительно сделает то, что собирался: снимет... физическое напряжение. А если я последую его примеру, мне, конечно, полегчает, но главная разница между нами останется в другом. Дракон в любом случае будет доволен, потому что мои эмоции получает уже сейчас, а вот моё настроение от такого начала утра вряд ли улучшится.

– Извращенец! – гневно прошипела я, обхватила ладонями его лицо и притянула к себе для поцелуя.

Жутко довольный дракон не упирался, целовал со вкусом, не забывая при этом оглаживать мою спину, талию, бёдра. Потом отстранился, опять рывком развернул меня к себе спиной и насмешливо прошептал в самое ухо:

– Так я не слышал твоего пожелания, хозяйка.

– Я хочу тебя. Сейчас.

– Так?

Рука мужчины вновь заставила меня прогнуться, и я не удержалась от длинного блаженного стона, когда он одним резким толчком вошёл, крепко, почти до боли стиснув бёдра ладонями.

– Да!..

На удовлетворённый смешок дракона я уже не обратила никакого внимания, полностью растворяясь в ощущениях и мерном ритме движений. Он, конечно, совершенно отмороженный извращенец, но... как же с ним хорошо!

* * *

Просторная ванная комната была пропитана чарами сильнее прочих частей дома. Вода могла обрушиваться дождём в любой части помещения, а если хотелось поплавать – заполняла комнату почти до потолка, не переливаясь за открытую дверь. Мозаичные стены создавали иллюзию пребывания на глубине даже сейчас: цвет плавно переходил от глубокого сине-зелёного под ногами к бледно-голубому, испускающему неяркий холодный свет, над головой.

Мы сидели на полу, под тёплыми струями воды. Шерху удобно облакачивался на стену, а я сидела между его широко расставленных ног, расслабленно откинувшись на широкую грудь мужчины. Сил шевелиться не было.

– Все драконы такие? – тихо спросила я через некоторое время.

– Какие – такие? – ехидно отозвался он.

– Ты понял, – проворчала в ответ.

– Представь себе, нет, – фыркнул чешуйчатый. – Вернее, у меня много вариантов. Да, мы в большинстве своём исключительно обаятельные, красивые, умные...

– Помешанные на сексе в самых его извращённых формах, – проворчала я, в ответ на что мужчина предсказуемо расхохотался.

– Нет, красавица, я, как и подавляющее большинство моих сородичей, исключительно традиционен в этом вопросе.

– Традиционен? То есть вот эти игры с «попроси меня» – часть традиции? – съехидничала я.

– М-м, ну во-первых, не пытайся строить из себя холодную недотрогу, тебе понравилось, и игры в том числе. Чем я доволен, – заявил прямолинейный дракон, языком задумчиво пощекотал край моего уха, отчего я вздрогнула. Шерху удовлетворённо хмыкнул и продолжил: – А во-вторых, я же говорил, секс – это просто способ. Я же не виноват, что живое существо проще всего вывести на сильные эмоции с помощью примитивных инстинктов, из которых этот – самый приятный. Думаю, нам обоим не понравилось бы, если бы я пытался тебя оскорблять, унижать или пугать.

– Действительно, не хотелось бы тебя убивать, столько сил положив на восстановление шкуры...

– Приятно слышать. Тем более сейчас ты вряд ли смогла бы полностью воплотить угрозу в жизнь.

– Почему? Думаешь, ты настолько неотразим и хорош, что рука не поднимется?

– И это тоже, – спокойно согласился он. – Но главное, это будет очень больно. Для тебя. Мне кажется, я пока не настолько тебя утомил, чтобы ты согласилась пройти через смерть вместе со мной, а потом ещё пережить откат от разрушения связи. Это больно в любом случае, но обрывать самому – почти самоубийство.

– Ты так убеждённо говоришь... Пробовал? – растерянно предположила я.

– Нет. Но был рядом с тем, кто это сделал, и впечатлений мне хватило до конца жизни, так что – от всей души не советую. Если захочешь от меня избавиться, так и скажи, мы что-нибудь придумаем.

– Хочу, думай, – проворчала я.

– Врёшь, – со смешком припечатал мужчина. – Ты немного злишься, обижена, самую малость напугана перспективами или моим прошлым, уж не знаю. Но главное, тебе очень, просто до зуда, любопытно. А ещё тебе хорошо, и моё самоуправство тебе приятно, и ты очень рада, что я появился в твоей жизни, потому что до этого тебе было одиноко. Но ты сердись на себя за эти чувства и боишься признать их.

– Ты ещё и мысли читаешь? – уточнила я мрачно.

– Нет, только эмоции, но зато очень хорошо в них разбираюсь, – вполне серьёзно ответил он. Немного помолчал, а потом добавил: – Вот чего я не могу понять, так это причин подобного недовольства. Если нам обоим хорошо, зачем изводить себя ненужными переживаниями? Они, конечно, тоже весьма питательны, но лично я предпочитаю положительные эмоции.

«Питательны»? Как же меня всё-таки угораздило связаться с этим чешуйчатым?!

– И на том спасибо, – тяжело вздохнула я. – А зачем... Живым существам свойственно сомневаться и испытывать неуверенность. Как я сейчас понимаю, всем, кроме драконов. Это иррационально, я никак не могу повлиять на собственные эмоции.

– Мы тоже сомневаемся, – возразил он задумчиво. – Но не в чувствах, они – открытая книга.

– А в чём?

– То, что правильно сейчас, не обязательно будет правильным завтра. А сделать так, чтобы принятое сейчас решение не разочаровало и после, сложно.

– То есть завтра ты разочаруешься в том, что со мной связался? – подловила я со смешком.

– Я говорил не про это, а в общем, – ничуть не смутился он. – В этом решении я уверен.

– Почему?

– Это нужно было нам обоим. Мне срочно требовалась хозяйка, тебе – мужчина.

Я аж воздухом поперхнулась от такой наглости, а Шерху заранее чуть крепче сжал меня в объятьях, предупреждая агрессию, и теперь, тихо засмеявшись, принялся целовать моё плечо и шею.

– С чего ты взял?! – наконец, собралась с мыслями я и извернулась в его объятьях, чтобы взглянуть в бесстыжие разноцветные глаза. Однако, против ожидания, столкнулась со спокойным, удивительно ласковым и совсем не насмешливым взглядом.

– Ты одинока, – просто проговорил он, костяшками пальцев обвёл мою скулу, следя за движением своей руки. – Такое одиночество могут разрушить родные, близкие друзья, собственные дети или мужчина. И почему-то мне кажется, что ни первых, ни вторых, ни третьих в твоей жизни нет.

Я вновь смешалась, не зная, что можно на это ответить, но чувствуя острую необходимость не затягивать неловкую паузу.

– И ты, решил пожертвовать собой?

– Ещё раз, – со смешком проговорил дракон. – Это не альтруизм, это взаимовыгодный союз. Ты красивая, искренняя, чувственная, добрая и очень светлая, что странно для стихийного существа, прожившего долгую жизнь, особенно для эслады. Хотя, что-то мне подсказывает, ты пока ещё очень юна, и это тоже неплохо. В силу привычки и личных предпочтений я питаю склонность именно к таким славным существам и, как я уже говорил, люблю положительные эмоции – нежность, удовольствие, страсть, душевное тепло. В сочетании с ними неплохо идут удивление, смущение, а лёгкое раздражение и даже злость придают остроты, но именно в небольшой концентрации. Это что касается моих чувств. С другой стороны, ты давно одна и тебе приятно разделить с кем-то это одиночество, и я для этого подхожу отлично. Я незлой, заботливый, привлекательный, и даже моя наглость тебе нравится. А ещё тебе нравится подчиняться, – интимный шёпот пощекотал ухо. – Тогда, когда это не идёт вразрез с твоими убеждениями, но зато доставляет удовольствие. Очень по-женски, очень естественно для правильно воспитанной эслады. Очень заводит...

– Объясни мне всё-таки суть связи драконов с хозяевами, – голос прозвучал ровно, не дрогнув. Я уже усвоила, что Шерху нравится меня дразнить, и изо всех сил старалась не поддаваться на провокации.

Но одно дело – следить за словами; а тело отзывалось волнами тепла по коже и колкими, тягучими вспышками внизу живота. Потому что... Да, нравилось. Нравилась мягкая власть мужчины, нравилась настойчивость, уверенность, лёгкая и строго дозированная снисходительность – чешуйчатый умудрялся балансировать на той грани, когда это не раздражало и не вызывало протеста.

Изначальная Тьма! Может, у меня что-то не так с головой? Я совсем рехнулась от поманутого им одиночества? О чём я думаю?! Я знаю этого дракона меньше суток, а уже с удовольствием прогибаюсь под чужую волю!

Мне казалось, я излечилась от этого недуга. Уж не потому ли, что до сих пор здесь просто не было подходящей воли?

– Нет хозяев, Актис, – хмыкнул мужчина. Вновь ослабил хватку и перевёл руку с моей груди на плечо, так что прикосновение в одно мгновение из чувственного превратилось в мягкое, опекающее. – Хозяева они на языке Мира, потому что смертным приятно думать, что они властвуют над стихией, а мы не спешим их разубеждать. Это легко, если не ошибиться в выборе.

– А мне, значит, ты желаешь сказать правду?

– Почему нет? – он вновь пожал плечами. – Смертные живут недолго, их тщеславие тоже имеет интересный вкус, поэтому – можно немного потерпеть. А ты почти такая, как я, меня всё в тебе устраивает, и я планирую сохранять эту связь достаточно долгое время.

– И что же это означает на вашем языке? – спросила я, теряясь от его прямолинейности и грандиозных планов на будущее.

– Еда, – шёпотом выдохнул он. А когда я замерла в шоке, громко и до крайности глумливо расхохотался. – Нет, определённо, ты прелесть! – сообщил он сквозь смех, когда я обиженно завопила, пытаюсь вырваться из драконьей хватки. Шутник, тоже мне! – Актис, ну подумай сама, как я могу перевести на твой язык понятие, которого в нём даже близко нет? Ратри – это много всего. Забавно, конечно, но и еда в том числе. Впрочем, нет, скорее это... воздух. Или чарь. Ратри... дополняющее живое существо, без которого не выжить. Дающее жизнь и разделяющее смерть. Обрётённая часть себя. Это не просто понятие, это ощущение, которое нельзя перевести и выразить другими словами, – наконец вздохнул он, уже совершенно серьёзный и спокойный. Удивительно переменчивое существо. – Угадать с выбором ратри – самое большое везение для каждого дракона, а с тобой я явно угадал. Это точно стоило проделанного пути и всех возможных последствий.

– Вот мы и добрались до самого интересного. Каких последствий? Почему ты прилетел сюда?

Но от продолжения разговора наглухо чешуйчатую заразу спасли громкие девичьи голоса из комнаты, зовущие меня по имени.

– Мы ещё к этому вернёмся, – тихо пригрозила я, выворачиваясь из его объятий.

Встала, накинула возникший в руках халат – такие простые мелочи я давно уже создавала рефлекторно, не задумываясь, – и поспешила выйти к девочкам, пока они не заглянули сюда. Я, конечно, старалась быть с ними возможно более откровенной, да и они не глупые, наверняка догадались, как я лечила найдёныша. Но это не повод являться им в настолько непристойном виде.

На разведку воспитанницы отправили Литис и Индис – самых бойких.

– Доброе утро! – хором поздоровались они.

– А мы волновались, – сказала Индис, разглядывая меня с подозрением и насторожённостью. – Решили всё-таки зайти, вдруг что-то случилось.

– Нет, девочки, всё хорошо, – успокоила их. – Я как раз собиралась выходить. Вы уже позавтракали?

– Натрис готовила, – печально вздохнула Литис.

Я не удержалась от улыбки. Из них всех умница Натрис лучше всего владела навыком материализации, и ту еду, которую она делала, можно было спокойно употреблять в пищу, она полностью соответствовала настоящей. Проблема в том, что удавалось девочке далеко не всё и возможное меню было... полезным. Если Натрис создавала мясо с гарниром, то оно непременно получалось варёным, постным и пресным, без соли и специй. И нельзя сказать, что сама юная эслада была такой уж до одури правильной и делала всё это сознательно; она, точно так же как остальные, любила вкусно поесть. Но исправить положение пока не получалось.

По-хорошему, следовало бы учить девочек *делать* вещи, а не всему вот этому. Готовить еду. Ухаживать за одеждой. Следить за порядком. Уже скоро они покинут Ледяной Предел, где наши возможности почти безграничны, и будут вынуждены привыкать к другой жизни с очень ограниченной магией. Но с этим всё как-то не складывалось: слишком мало времени, им нужно было в первую очередь освоить контроль над силой, а бытовые мелочи с материализацией предметов заметно облегчали обучение.

Да я не очень-то и стремилась выделять время на такую подготовку: я не собиралась отдавать девочек абых кому, в том числе тем, кто не способен обеспечить им уют и спокойствие. Да, после войны большинство из нас должны были покинуть Ледяной Предел и жить в Мире, среди смертных. Но право выбора, которым мы обладали всегда, удалось отстоять и сейчас.

А главное, я, если честно, и сама не имела нужных навыков. За всю жизнь я ни разу не покидала Ледяной Предел, представляла себе Мир только в теории и могла лишь догадываться,

как на самом деле живут его обитатели. Несмотря на то, что многие части нашего быта были скопированы именно с них.

Сложно сказать, когда элады, да и остальные дети стихии, стали такими, как теперь, когда стихия обрела потребность прикинуться смертным существом. Никто из ныне живых не помнит, все свидетели давно растворились во льдах и явились вновь, неоднократно повторив круг перерождения. Скорее всего, это случилось во времена Древних, когда по их воле на пересечении Пределов родился Мир.

Сейчас большую часть времени мы проводим вот в этой, бытовой форме, а она имеет те же потребности, что и тела смертных. Даже зачатие у нас происходит так же, как у жителей Мира. Вот только рождаемся мы с стихийным облике, а потом взрослеем и учимся походить на смертных: энергетическая структура стабилизируется и стремится к воплощению в материальной форме.

Правда, происходит так не всегда, а только если оба родителя – дети одного Предела. От союза же стихии и смертного рождается стихия, но – в смертном обличье, и такие дети почти с рождения могут свободно менять форму. Единственное отличие состоит в том, что изменить наружность своего бытового воплощения они не способны, а у рождённых в Пределе есть время определиться, как они хотят выглядеть.

– Вечером побалую вас чем-нибудь вкусненьким, – пообещала я.

– А меня побалуешь? Только не вечером, сейчас, – раздался над головой насмешливый голос дракона, а его ладони легли мне на талию. Уверенно, по-хозяйски, с несокрушимой убежденностью в собственном праве находиться на этом месте. Я тут же попыталась вывернуться и обернуться, но Шерху удержал, крепко прижав к себе, и негромко проговорил, склонившись к самому моему уху: – Не вертись. В отличие от тебя, я в Ледяном Пределе на материализацию не способен.

Я на мгновение замерла, а потом осознала сказанное – и задохнулась от негодования, вновь ощущая настойчивое желание стукнуть чешуйчатого гада.

– А зачем вышел? – спросила мрачно.

– Любопытно, – бесхитростно сознался он. Голос звучал спокойно и ровно, но я готова была поклясться, что дракон довольно скалится.

Я глубоко вздохнула, силясь взять себя в руки, и сосредоточилась на девочках. Те молча стояли напротив, таращась на найдёныша в искреннем изумлении, едва ли не открыв рот.

– Девочки, всё в порядке. Занятия начнутся как обычно, через час. Будьте, пожалуйста, все в общей комнате.

– А? Ага, – невнятно пробормотали обе, не сводя с нас взгляда. Потом более серьёзная Индис справилась с эмоциями и двинулась прочь, утягивая за собой подругу. И хорошо, потому что с Литис стало бы прямо сейчас начать удовлетворять любопытство, а она среди девочек лидирует по неудобству задаваемых вопросов.

Как только дверь закрылась за спинами воспитанниц, я резко развернулась на месте и с силой впечатала в грудь мужчины ком созданной одежды.

– На. И не смей больше позорить меня перед воспитанницами! – почти прошипела ему. – Почему нельзя было минуту подождать в ванной?!

– Здесь было интересней, – чешуйчатый спокойно пожал плечами, глядя на меня своими нахальными разноцветными глазищами без малейшего проблеска раскаяния. После чего спокойно прошествовал к постели и принялся разбираться в выданных ему вещах.

Я глубоко вдохнула, медленно выдохнула – и сосредоточилась на собственной одежде. Боюсь, читать нотации и воспитывать тут уже поздно, этот дракон явно гораздо старше меня, характер давно сформировался, и всё, что мне остаётся, это привыкнуть и смириться. Или подождать, пока он совершенно мне надоест и я всерьёз пожелаю разорвать эту связь.

И вроде бы это должно звучать убедительно, но почему даже я сама не верю, что такой момент когда-нибудь настанет?

Может, стоит уже принять очевидное и смириться? Пока Шерху устраивает моё общество, он просто не позволит мне этого захотеть. Драконы от природы прекрасно ощущают чужие эмоции, а вот с опытом, похоже, учатся ловко манипулировать ими по собственному усмотрению.

– Актис, а где здесь вход? – наконец спросил чешуйчатый, крутя в руках синее полотнище сложного кроя.

И настолько потешно выглядел дракон, с изумлённо надломленными бровями и потерянным выражением лица, что моё раздражение мгновенно растаяло и я не удержалась от хихиканья.

С короткими, чуть ниже колен, узкими серебристыми штанами и высокими мягкими белыми сапогами на тонкой подошве Шерху разобрался сразу, а вот верхняя часть одежды вызвала у него серьёзные затруднения.

Возник соблазн немного поиздеваться над огненным и поддразнить его, но я вовремя сообразила, что с него скорее станется плюнуть на всё и пойти как есть – он же одет. А что у эслад эти штаны считаются нижним бельём, ему точно будет плевать.

– Садись, – велела я и кивнула на край кровати.

Чтобы нарядить дракона, понадобилась пара минут. Устройство этой одежды я, в отличие от огненного, прекрасно знала, иначе не смогла бы создать, вот только надевать её на кого-то прежде не доводилось.

Как ни странно, Шерху вёл себя прилично. Я опасалась, что процесс затянется, потому что мужчина станет меня ловить, обнимать или как-то ещё мешаться, а мне не хватит силы воли его остановить. Однако найдёныш был настроен исключительно прилично, послушно поднимал руки, когда от него это требовалось, и с большим любопытством наблюдал за моими действиями. Кажется, запоминал на будущее.

Свободные рукава, перехваченные у запястий и локтей узкими ремешками с изящными пряжками, строгий воротник-стойка, тоже на ремешке сбоку. Полы одежды с запахом сходились на спине, оставляя между лопатками небольшой асимметричный треугольный вырез, и потом вновь встречались впереди, чтобы сомкнуться широким поясом на трёх таких же пряжках. Впереди и сзади одеяние клиньями доходило до колен, по бокам – едва прикрывало бёдра.

Я аккуратно застегнула пряжку на воротнике, расправила несколько мелких складок и отступила на шаг, критически разглядывая результат своих трудов. Дракон повёл плечами, пошевелил руками – согнул и разогнул, задрал вверх.

Хороший у меня глазомер, одеяние село как влитое. И очень подходило рослому сильному мужчине, подчёркивая узкую талию и внушительный разворот широких плеч.

Шерху задумчиво ощупал пряжки на поясе, на руках, отчего-то хмурясь. Потом всё же поднялся, опять повёл плечами и дёрнул головой, вытягивая шею, как будто одежда его душила.

– Ну и наряд, – хмыкнул он. – Любите вы всё усложнять.

– Драконья одежда проще? Или вы её вообще не носите? – усмехнулась я в ответ.

– Иногда носим, – чешуйчатый обезоруживающе улыбнулся и смерил меня весёлым взглядом. – А вот твоя одежда проще, – протянул не то с удовольствием, не то с завистью.

– Почти такая же, – успокоила его.

Женский вариант предполагал мягкие ботиночки, свободные длинные штаны, на края которых при неопытности вполне можно наступить. Верхнее одеяние было без запаха, прямым. Кроме того, отличалось отсутствием ремешков на узких рукавах, глубоким каплевидным вырезом на груди, под замыкающим воротник-стойку ремешком, и застёжками на боках – по

три пряжки, слева и справа. Ну и, конечно, длиной: задний клин шлейфом тянулся по полу, а передний – едва приоткрывал носки обуви.

Приличной эсладе положено быть сдержанной, хотя бы казаться таковой, и потому не стоит открывать ноги и уж тем более демонстрировать обнажённое тело. Я приличной не могла считаться уже давно, но по привычке продолжала одеваться так: с детства вдолбленные обязательства и нормы въелись очень прочно, и я не видела смысла ломать себя по такому незначительному поводу. Главное, мне удобно и комфортно.

Девочки же одевались кто во что горазд, я их в этом особо не ограничивала. Например, непоседа Литис предпочитала мужской наряд, укорачивая порой даже его – ей всё казалось неудобным и постоянно мешалось. А прелестная художница Аргис – напротив, с каким-то особенным удовольствием и гордостью носила *правильную* одежду, очень тщательно подбирая цвет и отделку. Выглядела она при этом самым совершенством, и я предчувствовала, что за эту красавицу в Море будут драться: вряд ли найдётся много мужчин, которых она оставит равнодушными.

Усмехнувшись, дракон одним текучим движением преодолел разделявшее нас расстояние, поймал меня за талию, не позволяя уклониться. Костяшками указательного и среднего пальцев нежно скользнул по коже от шеи вниз, насколько позволял вырез.

Я напряглась, с досадой ощущая, что моему телу ласка не просто понравилась – она пробудила массу приятных воспоминаний ночи и утра и мгновенно отозвалась тянущим теплом внизу живота. Просто какое-то наваждение эротического характера, а не дракон!

– А знаешь, всё-таки это замечательно, – резюмировал мужчина, отпуская меня с совершенно невозмутимым видом. Хотя я была готова поклясться, что состояние моё – и вспыхнувшее желание, и последовавшее за этим раздражение – не осталось незамеченным. И очень дракону понравилось.

– Что именно? – уточнила, открывая портал.

– Такой наряд. Эслады знают толк в удовольствиях.

– Что-то я тебя не понимаю, – призналась честно и шагнула вперёд.

Малая столовая создавалась для семейных обедов. В последние годы мы пользовались только ей, и комната выглядела удивительно уютной и обжитой. Большой овальный белый стол на фоне серебристо-зелёных стен казался горой свежего снега, вокруг него выстроились стулья с изящными, хрупкими на вид спинками, напоминающими морозные узоры на стекле. На стенах висели картины, написанные Аргис – портреты, пейзажи и то, что сама девочка называла «сны»: странные разводы с прихотливым переходом из цвета в цвет, где иногда угадывались причудливые силуэты вещей, но чаще не было ничего, кроме ярких пятен. «Сны» эти странным образом зачаровывали, притягивали взгляд и не отпускали, заставляя рассматривать себя. Чудилось, что есть в этом какая-то особая магия.

Одна стена была полностью прозрачной и открывала изумительный вид: дом стоял на краю обрыва, и дальняя стена ущелья, иссечённая разломами разной глубины, вздымалась на огромную высоту. Лёд, из которого она состояла, лежал слоями и сиял всеми цветами – от тёмного, сине-зелёного, до ослепительно белого и от грязно-серого до почти тёплого нефритового. Потёки и наплывы льда очень походили на картины моей воспитанницы, разве что набор цветов у Аргис был богаче: красного и жёлтого в Ледяном Пределе почти нет, вся моя родина – и пейзажи, и немногочисленные здешние животные, и сами эслады, и наши дома – раскрашены в оттенки льда. Здесь даже солнце бело-голубое, отливающее зеленью на закате. Только иногда над неподвижным ледяным величием вспыхивают ломаные радуги – тихое, почти неуловимое напоминание о том, что Ледяной Предел тоже часть Мира.

Слишком неуловимое. Мужчины, увы, редко обращают внимание на подобные мелочи...

– Ого! И что, вас вот такой вид вдохновляет? – растерянно спросил дракон, разглядывая пейзаж.

– Почему тебя это удивляет? – улыбнулась я. – Девочки любят проводить тут вечера, на закате здесь особенно красиво. Мы эслады, это наш дом, и он прекрасен, – последние слова прозвучали горько, устало, и я поспешила уйти от этой темы: – Так какое отношение наши наряды имеют к удовольствиям?

Шерху бросил на меня долгий непонятный взгляд, и я пожалела, что не могу, как он, ощущать эмоции. Но через мгновение дракон улыбнулся – тягуче, чувственно, с намёком – и прошлое само собой отошло на второй план, уступив место сиюминутным впечатлениям.

– Красивая женщина – это подарок. Красивая женщина в такой закрытой одежде – подарок в красивой упаковке. Казалось бы, разница невелика, но во втором случае – в определённом настроении – удовольствие больше: к обладанию добавляется прелюдия предвкушения. Да и разворачивать такой подарок интересно.

Щекам опять стало горячо, и несколько секунд я могла думать только об обещании, звучавшем в голосе мужчины. Но, к счастью, привычным действиям это не мешало, и перед нами появились тарелки с едой. А когда столовую начали наполнять аппетитные запахи, все прочие желания отступили.

Завтракали в молчании. Шерху выглядел задумчивым и сосредоточенным, и казалось, что мыслями он далеко отсюда. Знать бы ещё где...

Мне вдруг подумалось, а действительно ли дракон такой, каким я его вижу? Такой вот безалаберный прямолинейный нахал? Семеро хозяев – это по меньшей мере несколько веков, даже если все они были исключительно короткоживущими существами. Конечно, можно допустить, что со своими прежними хозяевами Шерху жил совсем недолго и погибали они внезапно, в молодом возрасте. Но если разрыв связи – это всегда тяжело, то семь, да ещё за короткий срок, тем более не могли не наложить отпечатка.

– Шерху, а всё-таки, зачем ты сюда прилетел? – спросила я.

– Захотелось новых впечатлений, – он насмешливо сверкнул глазами. – Я никогда не бывал в Ледяном Пределе, а попасть сюда со смертным ратри было бы ещё труднее, чем в одиночестве.

– Ты рисковал жизнью из любопытства?

– Можно сказать и так, – хмыкнул он.

– Но это ведь не всё, верно? – продолжила настаивать я.

Чешуйчатый неопределённо пожал плечами, а потом спросил, глядя на меня спокойно и испытующе:

– А есть разница? Зачем бы я сюда ни прилетел, это ничего не изменит. Я жив, я нашёл ратри – именно такую, какую всегда хотел. Смертным свойственно переживать о том, «что было бы, если», даже понимая, что это «если» уже никогда не случится. Я не знал, что эслады тоже этому подвержены, – усмехнулся он.

– Я бы не стала утверждать за всех, – я чуть качнула головой. – А сколько тебе лет?

Во взгляде дракона промелькнула какая-то тень, но насмешки или грусти – я не поняла.

– Больше, чем тебе. Сколько есть – все мои, – отмахнулся огненный.

– Ты издеваешься! – вскипела я. – Ты можешь хоть на один вопрос ответить прямо и честно?

– Могу. На те, на которые хочу отвечать, – ровно отозвался он. Пару секунд мы мерились взглядами – его спокойный против моего недовольного, – а потом Шерху чуть сощурился, и я успела подумать, что следующие его слова мне наверняка не понравятся. – Я ведь не спрашиваю, где твой мужчина и чего тебе стоила эта война.

– Потому что никакой загадки в этом быть не может. Мой мужчина там же, где все остальные совершеннолетние эслады мужского пола, да и цену мы все заплатили одну, – голос не дрогнул. Но я вдруг поняла, что ещё несколько мгновений, и разговор закончится очень плохо, поэтому рывком отодвинула кресло и поднялась: – Прошу меня извинить, девочки ждут.

Однако шагнуть в открывшийся портал я не успела. Дракон вдруг оказался рядом, обхватил меня обеими руками, крепко прижал спиной к своей груди.

– Прости. Я стараюсь быть мудрым и предусмотрительным, но не всегда получается. Мне не нужно было этого говорить.

Губы мягко коснулись нежной кожи за ухом, горячее дыхание пощекотало шею.

Мгновение, другое, и я почувствовала, как расслабились плечи, а голова сама собой откинулась на грудь мужчины. Наверное, не стоило так легко сдаваться, следовало сохранить твёрдость и решимость, всё же потребовать ответа. Я ведь понимала, что мной манипулируют, да и извинялся он не за суть своих слов, а за их форму – за то, что сделал больно.

Но силы воли не хватило. Слишком приятно было поддаться, позволить себя успокоить и обмануть, отвлечь.

– Ты – страшное существо, знаешь об этом? – спросила тихо.

– Догадываюсь, – хмыкнул он. – Прости, я в самом деле не хочу обо всём этом говорить. Это, может быть, важно, но оно не меняет основного: ты для меня – ратри, а ратри – главное в жизни каждого дракона.

– Важнее блага Мира и Огненного Предела? – с нервным смешком уточнила я.

Шерху несколько мгновений помолчал – видимо, не ожидал такого вопроса и потому не успел подготовить ответ. Я не торопила.

– Благо Мира – спорная вещь, – наконец заговорил он. – Каждый толкует его так, как считает правильным. Заботиться о благе ратри проще, потому что одно живое существо гораздо проще понять, чем целый мир.

– Это не ответ, это уход от ответа.

– Какой вопрос, такой и ответ, – возразил он. – Ты сама прекрасно понимаешь, что всё зависит от обстоятельств. Для меня прямо сейчас – да. Ты беспокоишь меня гораздо больше, чем весь остальной мир. Не сердись, для меня это тоже новый опыт, и я тоже могу совершать ошибки.

– Какой опыт? – переспросила растерянно.

– Откровенных и равноправных отношений с ратри, – со смешком ответил Шерху. – Я же говорил, со смертными всё иначе. По сути, мы ведь используем их для поддержания жизни и восполнения численности, для их успокоения позволяя думать, что именно они – хозяева.

– Восполнения численности? – пробормотала я ошарашенно. – погоди, ты хочешь сказать, что у тебя... есть дети? Рождённые твоими прежними... хозяйками?

– Какой неожиданный ход мысли. Есть, – рассмеялся в ответ огненный. Я не выдержала, поспешно развернулась в его руках, чтобы заглянуть в лицо.

– И много?

– Много, – с тем же весельем ответил он. – Почти два десятка.

– Десятка? – тупо переспросила я. – Вы считаете детей... десятками?!

– Чш-ш! – силясь спрятать улыбку, протянул дракон, на всякий случай стискивая меня поверх локтей покрепче. – Актис, я их в глаза никогда не видел! – сообщил он, по моему лицу тут же поняв, что с оправданиями не угадал, и поспешил исправиться: – Они все живут в Огненном Пределе. Драконам для нормального развития в раннем детстве нужно общество себе подобных, до окончательного формирования энергетических каналов мы растём в гнёздах, и лишь в сознательном возрасте, будучи готовыми, отправляемся в мир и находим себе ратри.

– И что, вот эти матери, они спокойно отдают своих детей? – потрясённо проговорила я. – Навсегда?!

– Силой отнимать не приходится. Актис, они все знают, на что идут, и идут на это добровольно. Если обычные дети, приходя в мир, забирают у смертных часть их жизненных сил, то

стихия, наоборот, прибавляет. А если они вдруг остро желают завести семью и растить своих детей, никто им этого не запрещает. Они вольны в выборе жизненного пути.

– И куда в этом случае девается дракон? – хмурясь, спросила я.

– А почему он должен куда-то деться? – изумился Шерху.

– Ну... если у женщины появляется мужчина, супруг. Куда в этой ситуации девается связанный с ней дракон? Что, они продолжают вот так жить, втроём?!

Шерху несколько секунд смотрел на меня в полной растерянности, а потом расхохотался.

– Актис! Я же говорил, секс – это просто способ получить нужную энергию, но прекрасно можно обходиться другими. Если ратри влюбляется в кого-то, дракона подобное вполне устраивает: нас питают и эти чувства.

– И никакой ревности? Ни с вашей стороны, ни со стороны... супругов? – продолжила расспросы я.

– По-всякому бывает, – не стал юлить чешуйчатый. – Но почти в любом случае можно договориться. Даже животные способны решить дело с помощью звуков вроде рыка, не прибегая к драке, а разумные отличаются от них богатством речи, – пожав плечами, сообщил он. – Порой случаются крайности, но в таком крайнем случае можно и оборвать связь. Да, это неприятно и весьма болезненно, но по обоюдному согласию – возможно.

– И эти существа ещё нас, эслад, называют странными! – проворчала я.

– Вы не странные. И мы не странные. Мы просто разные, – легко отмахнулся Шерху.

– А что будет, если ратри влюбится в дракона? – хмурясь, спросила я.

– Ратри будет жить долго и счастливо, как в сказке, – хмыкнул чешуйчатый. – Это очень приятные чувства, которые дракон постарается сохранить и укрепить.

– То есть – лгать? Создавать иллюзию взаимности?

– А ты, стало быть, считаешь, что лучше короткая жизнь, полная страданий, но в правде, чем счастье ценой небольшого и безобидного самообмана? – с какой-то странной, неприятной усмешкой спросил дракон.

Разглядывая узкое непривычное лицо мужчины, я медленно качнула головой – в ответ не ему, а, скорее, своим мыслям. Гордость требовала согласиться, но... Многие ли на самом деле сумеют отказаться от достоверной иллюзии счастья? Даже если будут знать, что это обман; а драконы, надо думать, не слишком-то откровенничают.

Поэтому я предпочла отойти от опасной темы и не предъявлять претензий. Для начала стоило обдумать и разложить по полочкам то, что я успела узнать, а то голова пухла от теснящихся в ней вопросов и открытий. Вот потом, когда причины недовольства удастся внятно сформулировать, можно будет и вернуться к этому разговору.

– Получается, вы паразиты? Живёте за счёт других, хитростью вынуждаете их стремиться к этому...

– Не паразиты, а симбионты, – ничуть не обиделся Шерху. – Паразит убивает носителя, а мы, напротив, всячески оберегаем, защищаем, добавляем энергии и счастливых, активных лет жизни. Когда этот период от природы составляет меньше полувека, разница в два и три раза становится ощутимой и желанной. И рождение одного-двух детёнышей – небольшая плата за подобную возможность.

– А если влюбится дракон, что тогда? – резко спросила я, опасаясь, что вновь уцеплюсь за эту историю с брошенными детьми, и тогда скандал окажется неизбежен. А меня в самом деле ждут воспитанницы.

Разноцветные глаза ответили странно пристальным, цепким и как будто бы недобрым взглядом, под которым стало жутковато.

– Драконы этого не умеют, – ровно проговорил мужчина, а потом чуть усмехнулся и кивнул в сторону: – Я понимаю, что здесь ты в силах не ограничена, но... сколько ты собираешься держать открытым портал?

Я медленно кивнула, чуть встряхнулась и молча шагнула в учебную комнату. Шерху прав, разговоров пока достаточно.

* * *

– Доброе утро, девочки, – поздоровалась я с воспитанницами.

Все семь уставились на меня с жадным любопытством; вернее, не на меня, а на шагнувшего следом дракона. Юные элады нестройным хором поздоровались, а я заняла своё кресло и дала всем остальным возможность успокоиться и немного привыкнуть к новым обстоятельствам. Дракону – к тому, что он вдруг превратился в наглядное пособие, девочкам – к тому, что в доме появилось новое загадочное существо. Мужчина, да ещё и дракон! Биологию воспитанницы изучали, но живьём представителя противоположного пола в разумном возрасте и вот так, в неформальной обстановке, видели впервые.

Всё же удачно к нам занесло этого типа. До назначенного срока, когда мы все покинем Ледяной Предел и отправимся в Мир, осталось мало времени, и «пробное» столкновение с чужой культурой, с существом совсем иной природы и характера, очень полезно. Не только воспитанницам; кажется, мне самой такая тренировка необходима. Привыкнув быть старшей, нести ответственность за девочек, я постоянно забывала, что для меня это путешествие тоже окажется первым, и, если разобраться, я подготовлена не намного лучше.

Дракон, занявший свободное кресло чуть в стороне, отвечал нам всем спокойным открытым любопытством, одинаково увлечённо разглядывая и девочек, и небольшую круглую комнату со сводчатым потолком и световым окном в центре. Элады любят свет и свободное пространство, мы обычно не загромождаем помещения мебелью и не злоупотребляем украшениями, предпочитая оставлять комнатам единственное назначение: если спальня – то в ней лишь кровать, если столовая – то стол и стулья. О том, что бывает иначе, я знала лишь из картинок в книгах.

Здесь, в учебной комнате, светло-серые стены были изрезаны высокими арочными окнами, а вот мебели имелось непривычно много: удобные мягкие стулья со спинками, расставленные полукругом, широкие рабочие столы перед каждым из них и один большой демонстрационный стол, возле которого сидела я и на котором ещё вчера лежал найдёныш. Кроме того, вдоль стен выстроился ряд кресел, оставшихся от прежней обстановки, когда комната ещё была гостиной, и в простенках между окнами – высокие узкие витрины с разнообразными диковинками родом из Мира и других Пределов.

На этом фоне, среди элад с белоснежной кожей и волосами всех оттенков голубого и синего, Шерху смотрелся особенно чуждо и неестественно, приковывал взгляды. Вчера, когда он лежал на столе, окровавленный и чуть живой, было не до созерцания, а сейчас резкий контраст отчётливо бросался в глаза.

– Давайте знакомиться, – начала я. – Это Шерху, дракон, которого мы вчера лечили. Как видите, усилия были приложены не напрасно, он действительно жив, здоров и, насколько можно судить, неплохо себя чувствует. Думаю, раз он здесь и покидать нас в ближайшем будущем не планирует, Шерху согласится поучаствовать в занятиях и поведать что-нибудь интересное о жителях Мира. Но для начала, Аргис, расскажи нам, что ты успела узнать о драконах.

– Драконы красивые, – мечтательно улыбаясь, протянула элада, глядя не на Шерху, а сквозь него. Потом встрепенулась, сфокусировала взгляд на мне и торопливо заговорила: – В отличие от остальных стихийных существ, они имеют целых три ипостаси: бытовую и изначальную, как у всех прочих, и промежуточную. Считается, что эта самая, третья, возникла примерно тогда, когда драконы стали активно селиться в Мире. В изначальной форме там тяжело, а бытовая достаточно уязвима, вот и возник подобный компромисс. Скажите, Шерху,

а в Ледяном Пределе вы можете перейти в эту промежуточную ипостась? Или вы совершенно не способны поглощать здешнюю чарь?

– А вот на этот вопрос ты как раз и должна ответить, – попеняла я, опередив готового объясниться чешуйчатого. – И не надо пользоваться доверчивостью нашего гостя.

– Ну-у... мне кажется, ничейный дракон на такое не способен, – с сомнением протянула Аргис.

– Мы сейчас про определённого дракона, – улыбнулась я, делая вид, что не замечая, как остальные корчат друге страшные рожи и пытаются что-то подсказать ей жестами. Выждав пару секунд и убедившись, что здесь мы ответа не добьёмся, я кивнула Натрис.

– Шерху может, потому что уже не ничейный, он выбрал Актис хозяйкой, – сообщила она, поглядывая на дракона с холодным прищуром. Кажется, прикидывала, какую пользу можно извлечь из такого приобретения. – Драконы способны компенсировать недостаток подходящей чари с помощью той энергии, что получают от ратри.

– Верно, – похвалила я. – И что это значит?

– Сил ему хватит! – решила Аргис, хищно блестя глазами. – А можно попросить его продемонстрировать?

– Можно, – не без злорадства разрешила я, догадываясь, какие сюжеты будут преобладать в картинах нашей красавицы теперь и кому придётся для этого позировать. – Даже нужно!

– Актис, а мы правильно предположили, что разбудить его удалось сильными направленными эмоциями? – чуть хмурясь, спросила Натрис. – И я полагаю, что ты выбрала страсть, то есть половое влечение, как самое простое и безопасное. Его, как и злость, можно вызвать химическим путём, но последствия для пациента, да и для целителя, легче.

– Именно, и рассуждала я так же, – не удержалась я от улыбки. – Драконы, как мы с вами уже проходили, просто относятся к этой стороне жизни, поэтому можно было не бояться обидеть его подобным образом. Бить же, вызвав в себе ярость, чревато: очнувшись, он непременно воспротивился бы, и кто-то из двоих мог серьёзно пострадать. Зачем лечить, если сразу вновь калечишь?

Пока я говорила, Натрис бросила полный превосходства взгляд на Аурис, и я насторожилась, ожидая подвоха.

Аурис вызывала у меня наибольшее беспокойство: слишком тихая, скромная, стеснительная. Она всё время держалась позади, была очень мечтательной и идеалистичной. Слишком элада, чтобы её можно было легко переучить. Как она станет жить в Мире? Тулис близка к ней по характеру, она тоже спокойная и застенчивая, но Тулис – это старый ледник, где под слоем снега прячутся трещины. То есть никогда не знаешь, что эта тихая девочка может натворить по вдохновению, и уж точно она способна постоять за себя. А вот Аурис...

– Актис, но как же так? – заговорила она, чуть сдвинув серебристые брови. Голос звучал нетвёрдо, но было видно, что девочка полна решимости и сейчас даже переступила собственную робость, чтобы высказаться. А значит, её очень, очень задело. – Ведь ты говорила, что так нельзя, что близость допустима только с тем, к кому тянется сердце. Что мы не животные, чтобы поддаваться слепым инстинктам.

– Всё верно, милая, – негромко подтвердила я, осторожно подбирая слова и чувствуя себя на тонком неверном льду над пропастью. – Но ещё я говорила о том выборе, который мы должны совершать. Нет точного рецепта, в каком случае и как стоит поступать. Иногда приходится чем-то жертвовать. Может быть, я не права, но я не видела другого способа спасти его жизнь. Да, с этой точки зрения я поступила ошибочно. Но зато избежала другой, гораздо более страшной ошибки: равнодушия. Мы с вами все прекрасно знаем, что порой приходится выбирать между вещами на первый взгляд одинаково гадкими.

– Ну... ладно, это вчера, – опутив взгляд, едва слышно проговорила она. – А сегодня?

Я замерла, не зная, что ответить. Правду? Признать собственную слабость? Я не видела в этом ничего зазорного, но как сделать это так, чтобы меня поняли правильно?!

Да побери меня Древние, я сама себя не понимала, я просто плыла по течению! Как можно объяснить это девочкам так, чтобы они не обиделись на меня, не посчитали лгуньей?

– Насчёт сегодня, завтра и впредь надо спрашивать меня, а не вашу наставницу, – прозвучавший в повисшей вязкой тишине спокойный голос дракона заставил меня вздрогнуть. – Иногда двое вместе не потому, что они друг друга любят, а потому, что по отдельности им хуже. То, о чём вам говорила Актис, это идеал, к которому стоит стремиться. Когда идеал недостижим, ему приходится подвинуться и уступить место чему-то не такому прекрасному, но зато помогающему выжить.

– Но ведь можно обойтись и без этого! – возразила Аурис. – Нашими желаниями должна управлять воля, а не наоборот!

Как же сильно её зацепило, даже не испугалась спорить с незнакомцем...

– Хорошо, когда действительно можно, но сейчас совсем другой случай. Одиночество, дитя, порой убивает. Вы ведь не желаете подобной участи своей наставнице?

– Но у неё есть мы, – неуверенно проговорил кто-то из девочек, я не успела разобрать.

– Сейчас – есть. А через полгода вы все уйдёте, останетесь жить в Мире, у вас появятся свои новые заботы и, дадут Древние, тот идеал, о котором вы говорили.

– Но Актис тоже может остаться в Мире, с нами, – уже не так горячо и решительно возразила Аурис, старательно пряча взгляд.

– Ты уверена? – хмыкнул дракон. – А вот я скорее уверен в обратном. Договор касается детей обоих полов, которые, достигнув совершеннолетия и научившись управлять своей силой, отправятся в другие семьи. О тех немногих взрослых эсладах, которые остались живы после окончания войны, там нет ни слова. И жизненный опыт подсказывает мне, что Мир, согласившийся принять безобидных маленьких девочек и мальчиков при условии их лояльности и готовности следовать тамошним порядкам, вряд ли так же легко примет Ту, Что Ударила в Спину. В Мире говорят, что предавший однажды предаст вновь, и вряд ли кто-то станет разбираться в мотивах этих женщин, очень многим пожертвовавших для сохранения мира. Некоторые понимают значимость этого поступка, даже отзываются с уважением. Но принять – это совсем другое. Принятие подразумевает доверие, а доверия к вашей наставнице и остальным не будет.

Несколько секунд они молчали, переваривая сказанное.

– А зачем вы пришли в Ледяной Предел? – спросила наконец Литис, которой надоела серьёзная тема и нотации.

– Я очень хотел на него взглянуть, – обезоруживающе улыбнулся мужчина, давая понять, что другого ответа у него для нас нет.

– И как вам? – любопытствовал кто-то ещё.

До сих пор я сидела будто заледенев и никак не могла поверить, что это всё происходит на самом деле. Меня шокировали сейчас не слова Шерху; я ведь буквально пару минут назад задумывалась о том, что он давно уже не мальчишка, а опытный и, скорее всего, весьма неглупый мужчина, и сейчас почти без удивления приняла дополнительное подтверждение. Вызывало растерянность само его решение вмешаться. Он был не обязан это делать, не обязан нянчиться с моими воспитанницами и спасать меня там, где я не могла найти ответа. Да, он косвенно виноват в этой ситуации, но было бы лицемерием сваливать ответственность на него: он создал связь без разрешения, но последующая близость была уже моим осознанным выбором.

Однако вмешался. Получается, вот так они оберегают ратри? Не только от настоящих опасностей, но даже от личных проблем?

Дико сознавать мотивы такого отношения – заботу рачительного хозяина о своём ценном имуществе. Но... кажется, у меня совсем нет воли протестовать. Странное в подобных обстоятельствах ощущение: понимать, что происходит, знать, почему так происходит, но – не сопротивляться. Как говорят в Мире, «хоть поленом назови, только в пламя не суй».

Похоже, Шерху полностью прав на мой счёт, я слишком устала быть одна, не ощущать никакой поддержки. У нас с девочками хорошие отношения, я люблю их, а они, наверное, любят меня, но это не дружба, не равноправные отношения, а общения наставника и воспитанника. С ними я никогда не могла полностью расслабиться, забыть об ответственности и долге, отдаться сиюминутным настроениям.

Да, избавиться от стыда и чувства неправильности в общении с драконом трудно, слишком сильны привитые с детства правила и нормы поведения. Но кому станет лучше, если я сейчас проявлю гордость? Вот она, та самая иллюзия счастья, о которой совсем недавно говорил дракон. И вот доказательство, что я не способна отказаться от неё в пользу горькой правды.

Пары минут мне хватило, чтобы успокоиться. В это время девочки с энтузиазмом расспрашивали Шерху сначала о впечатлениях от Ледяного Предела, потом – о драконах и Мире. Яркий, экзотичный, обаятельный пришелец мгновенно стал центром внимания и явно завоевывал симпатию девочек.

Укол ревности в связи с этим оказался очень неожиданным и досадным, но я поспешила отмахнуться от неприятного чувства и сосредоточиться на рассказе мужчины, тем более говорил он действительно интересно. По сути, в его словах не было ничего такого, о чём бы я не слышала, но у Шерху получалось повторить то же самое значительно наглядней. Почему-то представить всё это по книгам было гораздо сложнее, чем со слов дракона.

В итоге день прошёл хоть и не по плану, но интересно и увлекательно. Девочки заметно ожили и развеселились, да и я чувствовала себя куда легче. И дело было не в чертах характера и особенностях именно этого дракона, а просто в появлении чего-то нового: не так много у нас здесь развлечений, а новых впечатлений тем более никаких.

Разошлись спать мы уже за полночь, но я была уверена, что угомонятся воспитанницы ещё нескоро, и будут до утра бродить друг к другу в гости, чтобы поделиться впечатлениями. Однако заострять на этом внимание не стала: они достаточно взрослые, чтобы самостоятельно следить за режимом.

Дракон вышел из портала следом за мной и, не позволив даже обернуться, крепко обхватил ладонями за плечи, прижал к себе, зарылся лицом в волосы, шумно вздохнул. Станный, во всех смыслах неожиданный, слишком личный жест для существа, уверяющего, что близость для него – просто способ получения от партнёра нужных эмоций.

– Ты врёшь, – тихо заметила я, не шевелясь и не пытаясь вывернуться. Слишком приятно было ощущать эту близость.

– В чём именно? – невнятно проговорил он мне в волосы.

– Во всём понемногу, – ответила спокойно. – Причины твоего появления здесь, твоя биография, твои отношения с окружающим миром, природа драконов. Врёшь не прямо, но очень ловко дозируешь правду и уходишь от неудобных вопросов.

– И? – усмехнулся Шерху. – Что из этого следует?

– Я не понимаю твоих целей, и меня это злит, расстраивает и беспокоит. А ты обещал заботиться о благе и душевном равновесии ратри, разве нет?

Чешуйчатый негромко засмеялся, сгрёб меня в охапку, потёрся щекой о макушку.

– Ладно, я всё понимаю, но где я о природе драконов соврал?

– Полагаю, опять недоговорил, – педантично поправила его. – Ты утверждал, что секс для тебя – просто способ получить нужные эмоции, а ратри – источник питания. В эту картину не укладывается твоё поведение сейчас.

– Глупая маленькая эслада, – со смешком сообщил он. Легко, как игрушку, приподнял меня над полом и подтащил к кровати, уселся и потянул к себе на колени. Потом, видимо, решил, что этого мало, и вовсе завалился на спину, увлекая меня следом.

Я молчала и снова не сопротивлялась: во-первых, ждала ответа, а во-вторых, это тоже было приятно. Вот так лежать затылком у него на плече, ощущать крепкие тёплые объятия...

Такое ощущение, будто я знаю его не без малого день, а полжизни.

– С чего ты решила, что дело в природе драконов? – спросил он наконец.

– Я просто предположила. Если это не так – просвети меня.

– Ты совершенно не умеешь логически мыслить и сопоставлять факты, – проговорил Шерху, как мне показалось, удовлетворённо.

– И? К чему ты это сказал?

– К тому, что ты вполне могла догадаться, – заметил он. – Я же рассказывал, как обычно происходит наше общение с ратри: мы всегда что-то из себя изображаем. Врём. Мы... хм. Приспособленцы. Полная противоположность эслад. Вы – гордые, неуступчивые, принципиальные и прямолинейные, мы – хитрые, изменчивые, осторожные. Там, где вы будете настырно ломиться напрямик, разбивая лоб, мы быстро найдём обходной путь и скорее добьёмся цели.

– Я всё равно не понимаю, к чему ты клонишь, – проворчала я.

– Мы привыкли так жить. Я тоже жил так, и даже вроде бы неплохо, а сейчас, наверное, просто устал. Если угодно, мне хотелось побыть одному и подумать в тишине о смысле жизни, потому и отправился в Ледяной Предел, – усмехнулся найдёныш.

Я завозилась, чтобы перевернуться и заглянуть дракону в лицо. Облокотилась о его грудь, приподнимая голову. Хитрые разноцветные глаза мужчины встретили мой взгляд спокойной снисходительностью и лёгкой насмешкой. Одна ладонь его осталась придерживать меня за талию, а вторая переместилась на ягодицу.

– Настолько хотелось, что ты готов был за это умереть, наугад открыв портал в опасное для тебя место, которое не способен покинуть самостоятельно? Ты не понимаешь, что выжил чудом?! – проговорила я.

– Выжил же, – философски отозвался он и пожал плечами. Да уж, не поспоришь... – Тебе сложно всё это понять, потому что ты никогда не видела Мира и даже не представляешь, как сильно он отличается от Ледяного Предела. Здесь тихо, я бы даже сказал – мертвенно тихо в сравнении с ним. Сонная, холодная, безучастная ко всему пустота, в которой единственное движение вызывает ветер и сложно заподозрить наличие хоть какой-то жизни. Просто взглянуть на эту безмятежность – дорогого стоило.

– Ладно, может быть. Но это всё равно не объясняет твоего поведения сейчас.

– Хм. Да, действительно. Куда-то меня не туда понесло... Я же говорил, что обычно с ратри мы не так уж откровенны и позволяем им думать, что они хозяева, а с тобой я решил попробовать по-другому.

– И?

– Я делаю то, что хочется, – он со смешком пожал плечами. – Почему ты не думаешь, что мне может быть просто приятно обнимать тебя?

– Потому, что мы почти не знаем друг друга?

– А как это связано? – он насмешливо выгнул брови. – При чём тут продолжительность знакомства? Это ведь просто ощущения тела. Тебе приятно принимать душ, нравятся прикосновения стекающей по коже горячей воды. Да что там, я же ощущаю, что мои прикосновения и объятия тебе приятны. Так почему я не могу испытывать те же ощущения и стремиться к ним?

– А как же «секс – только способ»?

– И что? – рассмеялся он, перекатился по кровати, подминая меня. Потом вообще уселся верхом на мои бёдра, перехватил запястья и прижал к постели над головой. – Да, без этого можно обойтись, но если нет такой необходимости, то – зачем? Приятный ведь способ!

Говорил это мужчина медленно, перемежая слова поцелуями, неторопливо двигаясь от моего виска ниже, касаясь губами и щекою упругим раздвоенным языком. Речь зазвучала невнятно – дракон растягивал шипящие, «р» сделалось гортанным и раскатистым, часть звуков вообще проглатывалась, как всегда в моменты такого частичного перевоплощения.

Да я не особенно и вслушивалась, больше сосредоточенная на прикосновениях и своей реакции на них. Запрокинула голову, подставляя под поцелуй горло, и прикрыла глаза, отрешаясь от окружающего мира. Ощущение открытости, уязвимости и неспособности пошевелиться горячило кровь предчувствием наслаждения и собиралось в тягучий клубок внизу живота.

Язык дракона приласкал ямку между ключицами и двинулся вниз вдоль выреза платья. Я шумно вздохнула от остроты ощущений и непроизвольно выгнулась, подаваясь навстречу прикосновениям. Шерху усмехнулся, выпрямился, обжёг многообещающим взглядом и перехватил оба моих запястья одной рукой, а второй принялся неспешно расстёгивать ремешки одежды, порой отвлекаясь на ласки. Неторопливые, чувственные, заставляющие моё сердце ускоряться, а тело – таять от желания. То гладил открытые участки кожи, то ласкал грудь через тонкую ткань, то вновь возвращался к шее или губам...

Моё платье уже было расстёгнуто, но снимать его дракон не спешил, сам же и вовсе оставался одетым. Со стороны всё выглядело почти пристойно, но возбуждение стало уже настолько сильным, что казалось мучительным. Я была близка к тому, чтобы воспользоваться магией, избавиться от одежды и взять то, чего мне хотелось.

Странное чувство, странное желание. Странно на меня влияет этот дракон...

– Ты так компенсируешь опыт общения с прежними хозяевами? – хрипло пробормотала я, вновь выгибаясь, подаваясь за его рукой в попытке продлить прикосновение.

– Как – так? – уточнил Шерху, вновь целуя мою шею.

– Постоянно стремишься быть сверху.

Дракон засмеялся, щекою кожу жарким дыханием, влажно обвёл языком контур уха.

– А моя хозяйка желает чего-то ещё? – проурчал негромко.

Я желала, и неожиданно для самой себя решила воплотить это желание в жизнь. Через мгновение мы с мужчиной поменялись местами: уже я сидела верхом на его бёдрах. А самое главное, на нас не было так надоевшей одежды, почти царапавшей разгорячённую ласками кожу.

Опираясь обеими ладонями на грудь чешуйчатого, я вскинула на его лицо довольный взгляд, чтобы увидеть реакцию. Ожидала встретить удивление и растерянность, но на губах дракона играла удовлетворённая улыбка, разноцветные глаза возбуждённо блестели, а ещё в них читалось неподдельное восхищение.

Ладони мужчины уверенно легли мне на бёдра, направляя, и я не удержалась от негромкого стога, ощутив его в себе. А через мгновение, подчиняясь мягкому нажиму его рук, начала двигаться, бездумно глядя ладонями живот и грудь любовника.

Я сбивалась с ритма, захлёбывалась стонами, изгибалась и непроизвольно пыталась отстраниться – слишком острым было наслаждение, волны которого одна за одной прокатывались по телу. А дракон не отпускал моего взгляда, и – я откуда-то точно знала – каждый мой судорожный вздох, каждое движение доставляли ему не меньшее удовольствие.

За этими ощущениями быстро забылось всё, что волновало меня совсем недавно. Окружающий мир будто прекратил своё существование, остались только два слившихся воедино тела – и чистое, незамутнённое наслаждение.

Потом Шерху крепко стиснул мои бока, заставил чуть приподняться и начал двигаться сам, вскидывая бёдра мне навстречу. Я зажмурилась, полностью поглощённая ощущениями, и вскоре новая волна наслаждения с головой накрыла нас обоих, увлекая в бездну и на мгновения лишая личности, мыслей, памяти и разума, оставляя только дрожащее в экстазе тело.

* * *

...Полностью обессиленная, я лежала на груди дракона, слушая, как гулко и торопливо стучит его сердце. Постепенно ритм замедлялся, выравниваясь, и по мере этого ко мне возвращался рассудок и способность связно мыслить. А вместе с ними вернулись вопросы, от которых чешуйчатый интриган ловко меня отвлёк.

Значит, дракон утверждает, что устал от привычного существования и решил вот так переменить обстановку, пусть и с риском для жизни. Устал лгать, хитрить и изворачиваться – но продолжает делать здесь то же самое. Никак не может остановиться? Слишком привык, чтобы суметь быстро переключиться и вдруг сделаться откровенным? Или не так уж и устал, чтобы отказаться от этого полностью?

Он ведь сейчас тоже обманывал, то есть – не говорил всей правды. Да, устал, да, захотел перемен. Настолько, что рискнул сунуться в Ледяной Предел. Но я готова поклясться льдом своей души, самой сутью элады, что это не единственное и не главное. Однако всей правды Шерху добром не расскажет, что бы им ни двигало. Конечно, здесь, в Ледяном Пределе, я могла спрашивать его иначе, с позиции силы, и не думаю, что связь могла этому помешать. Вот только платить подобную цену за правду я не хотела.

Да, он лгал. Да, преследовал какие-то свои цели. Но с его появлением я как будто проснулась, вновь почувствовала себя живой, стряхнула оцепенение и задумалась о чём-то, кроме долга. Главным, что мирило меня с его присутствием, была вот эта возможность ощущать рядом чужое тепло, и именно желание близости не позволяло оттолкнуть. А помощь с обучением девочек в этой ситуации – просто дополнительная приятная мелочь, которая не играла уже значительной роли.

Элады – дети льда, но ведь не его куски! Даже наши мужчины, даже самые непримиримые из них никогда не были бесчувственными, какими бы они ни казались в своём стремлении сохранять спокойствие в любой ситуации. Да, слишком гордые, упрямые, не готовые прислушиваться к мнению окружающих – особенно, женщин. Я до сих пор злилась на Иккаса за то, что не услышал, не поверил, и всё получилось так, как получилось. Но он всегда был заботлив и мягок со мной, любил объятия и поцелуи, любил проводить со мной время и был... хорошим. Родным.

И тем тяжелее далось нам всем принятое решение. Предать свой народ, самых близких существ, или позволить им уничтожить Мир – выбор, встать перед которым я бы не пожелала никому.

Почему, ну почему они не послушали? Почему Иккас и остальные только отмахивались, почему не удивились единодушию своих женщин? Если вообще знали о нём... Насколько бы сейчас всё было проще, окажись они не столь упёртыми!

А я... я ведь просто слабая женщина. Я такой рождена, меня такой воспитали. Я питаю своей жизнью Мир, латаю дыры, когда созданные Древними нити начинают рваться. Но я не умею жить одна и довольствоваться тишиной!

– Актис, что случилось? – встрепенулся дракон. Мягко перекатился, осторожно укладывая меня на кровать, навис сверху, отводя с моего лица растрепавшиеся волосы.

Я мотнула головой, закрылась ладонями.

Изначальная тьма! Надо же было так растаять... На ровном месте, из-за пустяка. Древние, как же стыдно!..

– Актис! – вновь позвал Шерху, попытался отвести мои руки, но я с силой рванулась, выскальзывая из объятий.

Дракон не ожидал такого сопротивления, поэтому не успел удержать, а я прямо с постели рухнула в портал, ведущий в ванную. Самое лучшее место, чтобы прийти в себя – в одиноче-

стве, под хрустально-чистыми струями ледяной воды, которая вымывает из головы все лишние мысли, все тревоги, оставляя только спокойствие. И отрешённое, вялое чувство стыда.

– Актис! – приглушённый дверью и шумом воды голос дракона тем не менее слышался вполне отчётливо. – Что случилось? Что не так? Актис!

Звук удара заставил дёрнуться от неожиданности. Я даже в первый момент малодушно решила, что мне почудилось, но удар повторился, ещё громче и резче.

Изначальная тьма, он... дверь ломает? Зачем?!

Пока я осознала эту странную мысль, снова что-то грохнуло и послышался натужный треск – кажется, ещё пара ударов, и дракон действительно добьётся желаемого. Опомнившись, я поспешила остановить воду и открыть дверь. Запоздало сообразила, что Шерху мог и не заметить исчезновения преграды, а я ведь не знала, как именно он её ломал...

Но беды не случилось, мужчина стремительно шагнул в комнату, спешно сгрёб меня одной рукой в охапку, обхватил второй ладонью лицо, пристально разглядывая.

– Что случилось? – спросили мы одновременно.

Чешуйчатый растерянно вскинул брови, но кивнул, давая мне высказаться первой.

– Что случилось? – повторила я. – Зачем ты ломал дверь?

– И она ещё меня спрашивает! – проворчал он и нахмурился. – А как ещё я должен был реагировать, если ты вдруг заплакала и сбежала, ничего толком не объяснив?

Ну да, глупо было надеяться, что он не заметит.

– Извини, – глубоко вздохнув, проговорила я, не поднимая взгляда выше его ключиц и нервно поглаживая кончиками пальцев рисунок чешуи на плечах. – Я не знаю, как это получилось. Наверное, слишком устала, день сегодня удивительно насыщенный, да и вчерашняя ночь – тоже. Просто вымоталась.

– Так, я уже совсем ничего не понимаю! – Шерху слегка тряхнул головой и потянул меня прочь из ванной, приобнимая одной рукой за талию. – Объясни толком, почему ты плакала? Я чем-то тебя обидел?

– Нет, что ты, ты ни при чём, – торопливо возразила я и вымученно улыбнулась: – Пожалуйста, давай оставим эту тему?

– Если я не виноват, то мне уже легче, – хмыкнул мужчина, со странной хозяйственностью устраивая меня в постели. Набросил тонкое одеяло, старательно укрыл и укутал от пяток до макушки, потом улёгся рядом и привлёк в объятия. – А всё-таки? Что случилось?

– Ничего. Шерху, давай сделаем вид, что ничего не было. Это не имеет к тебе...

– погоди, кажется, я догадался, – перебил дракон. – Ты убежала не потому, что обиделась на меня, а потому, что не хотела показывать свои слёзы. По твоему смущению и чувству вины предполагаю большое культурное различие. Что в этом страшного? И да, я не издеваюсь, я правда не понимаю. Я, как и подавляющее большинство обитателей Мира, очень мало знаю об эстрадах, уж извини.

Я глубоко вздохнула, набираясь спокойствия и терпения. Шерху прав, а мне нужно быть снисходительной. Если постоянно держать в памяти, что дракон знает о Ледяном Пределе гораздо меньше, чем я о Мире за его границами, то вопросы дракона уже не кажутся столь нелепыми и неприятными.

– Слёзы, как и кровь, это основа жизни, это вода, которая нас питает. Проливая кровь, живое становится слабее, теряет силы и саму жизнь, то же и со слезами. Бывают случаи, когда это необходимо, но попусту их расходовать... – я запнулась, подыскивая верное слово, – неприлично. Само по себе очень неприлично, не говоря уже о том, чтобы делать это в чьём-то присутствии.

– Кхм, – чешуйчатый глубокомысленно кашлянул. – Неожиданно. И что послужило причиной такого неприличного поведения?

– Неважно. Я не хочу это обсуждать, – отмахнулась я.

– Хорошо, – покладисто согласился Шерху, но через несколько секунд вновь заговорил: – Странно. С одной стороны, очень похоже на нас: у нас тоже считается недостойным и неподобающим плакать, особенно мужчинам, но для женщин обычно делают исключение. Особенно при близких. А у вас, при столь трепетном отношении к женщинам, правило распространяется и на них.

– Женщина хранит жизнь, и ей ещё более зазорно растрчивать её попусту, – разъяснила я.

– По-своему логично, – тихо проговорил чешуйчатый, опять выдержал короткую паузу и негромко попросил: – А всё-таки, в чём причина?

– Откровенность на откровенность. Ты честно и без утайки отвечаешь на все мои вопросы, а я – на твои. Нет? В таком случае не вижу смысла продолжать разговор. Холодной ночи.

– Сладких снов, – со смешком ответил он.

Шерху затих, и я сумела немного перевести дух. Думала, что тут же усну, вымотанная, но сон никак не шёл – и объятья мужчины давили, и кровать казалась слишком жёсткой, и одеяло мешалось, а уж про мысли и говорить нечего.

Впрочем, несмотря на мои слёзы и достаточно резкое окончание разговора, настроение оказалось совсем не таким мрачным, как можно было ожидать.

То, что я называла своей жизнью ещё каких-то два дня назад, являлось скорее затянувшейся агонией. Хотя я и старалась не заикливаться на этом, но прекрасно понимала всё то, на что Шерху открыл глаза девочкам, и точно знала, что, отпустив их в Мир, последую за теми, кто уже ушёл. Для меня просто не существовало другого пути: за будущее Мира мы заплатили и своими жизнями тоже, просто отсрочив смерть, чтобы эта жертва не оказалась напрасной, чтобы наши дети сумели искупить ошибку своих отцов.

Эслады – мужчины – давно относились ко всем прочим живым существам с презрением. Поначалу дистанцировались, потом начался вялотекущий конфликт, а недавно они всерьёз вознамерились избавиться от Мира и всего его населения. Они считали, что Древние совершили ошибку, создав его и изменив свою сущность, что единственный возможный путь развития для нас – вновь стать чистой чарью, избавиться от плена бытовой оболочки. А поскольку разорвать связи со стороны Предела оказалось невозможно, они вторглись в Мир. И почти преуспели.

Обязанностью мужчин было следить за порядком в Мире, следить за балансом и не позволять своей стихии спорить с другими – но и не давать исчезнуть. На правах старших помогать смертным, не допускать катастроф. Однако они выступили против своей природы, не видя, к чему всё идёт: за тысячелетия существования Мира Ледяной Предел стал его неотъемлемой частью, и разрыв убил бы не только Мир, на который эсладам было плевать, но и нас всех. Слеплённые успехами, они не видели, как крошится сама основа Ледяного Предела. Считали, что это мелкие и временные побочные эффекты. Что их слабые, нежные, хрупкие женщины просто боятся перемен.

Стихию почти невозможно убить даже в Мире: когда гибнет бытовая оболочка, мы – при должном умении – возвращаемся в родной Предел и тут восстанавливаемся. Это не смерть, просто короткий перерыв: сохраняется личность, опыт и память, и восстановленное тело будет точно таким, как утраченное. Противостоять эсладам на равных могли только другие стихийные существа, но было ясно, что шансов на победу у Мира и его обитателей нет: для этого требовалось одолеть детей льда в их доме, а в чужом Пределе все мы слабы и уязвимы.

И тогда женщины – те, кто сумел – сделали свой выбор.

Тот, кто хранит жизнь, лучше прочих знает её цену, её хрупкость и то, как легче всего её оборвать. Я была первой, кто сказала вслух то, что понимали все: если не остановить войну сейчас, победителей не будет. И мы сами убили тех, кто толкал мир в бездну.

В результате из четырёх тысяч эслад осталось всего несколько сотен: тридцать девять взрослых женщин, обречших на смерть собственный народ, и дети разных возрастов. Мы бы все ушли тогда, но понимали, что дело ещё не закончено. Чтобы сохранить Мир, требовалось восстановить равновесие, и уж точно нельзя было допустить, чтобы эслады умерли все: некому стало бы тогда обуздывать стихию, следить за сохранностью связей Мира и Ледяного Предела. В таком случае гибель лишь отсрочилась бы, но стала медленней и ещё более мучительной.

Смертных не допустили к решению судьбы Мира. Оставшиеся эслады разговаривали с другими стихийными и заключили Договор. О том, что наши дети научатся контролировать свою суть и уйдут жить в Мир, чтобы стать к нему ближе, чтобы научиться видеть всё его многообразие и родить детей от смертных мужчин и женщин, тем самым быстрее восполнив численность своего народа. Нам же предстояло передать им все знания, научить тому, что умели мы сами, и – отпустить. О собственном будущем мы тогда не задумывались и не пытались устроить свою жизнь: нечего было устраивать. Мы все умерли, когда оборвали жизни наших мужчин и проводили в небытие тех, кто не сумел принять такой исход.

А теперь оказывается, что всё это не конец, и, чтобы очнуться, мне достаточно завести любовника-дракона. Буквально – сказка из Мира о проклятой спящей принцессе, вариант для взрослых!

Удивительно, но я почему-то не чувствовала вины. Досада, тревога, раздражение уклончивостью Шерху – то есть какие-то несущественные, сиюминутные мелочи. А вот предсказуемых и ожидаемых уколов совести за то, что предаю память ушедших, не было.

Видимо, я слишком сильно хочу жить, раз пережила всё, что было, и даже сейчас не желаю уходить.

А впрочем, мудрено ли? В тот момент, когда мы совершили свой трудный выбор, мне едва исполнилось полсотни лет, вчерашний ребёнок по меркам стихийных существ. Я со своим супругом-то прожила всего ничего – может, потому и не успела толком привязаться, и не страдала так о его уходе. Гораздо большее было потерять маму, которая ушла, так и не сумев решиться хоть на что-то, но именно этот её поступок подтолкнул меня в нужном направлении.

Перебирая эти мысли и окончательно принимая собственный неосознанный выбор – кажется, тело оказалось мудрее разума и сделало его за меня – я уснула, вполне спокойная и умиротворённая.

А утром пробудилась собранной и настроенной на деловой лад: сегодня начинался «рабочий» период, нам с девочками предстояло осмотреть узлы силы, подпитать их и исправить, если вдруг что-то пошло не так. Прежде на каждую эсладу приходилось по одному-два таких узла, на месте которых мы и строили свои дома, а теперь – по несколько десятков. Конечно, проверить все за один раз не стоило и пытаться, так что исполнение своих обязанностей лично я растягивала на шесть дней, по пять узлов на каждый. Потом несколько дней на отдых и обучение другим премудростям, и – снова силовые линии.

Раньше это занимало куда больше времени, потому что устают даже эслады в Ледяном Пределе, но сейчас у меня были Натрис и Индис, которые справлялись с этой работой самостоятельно, да и остальные девочки очень помогали. В общем-то получалось у всех, кроме безалаберной Литис и рассеянной Аргис, но остальные пока не чувствовали уверенности в своих силах. Поэтому от узла к узлу мы перебирались все вместе, и девочки по очереди проверяли и исправляли, а я страховала и брала на себя сложные случаи или разбирала интересные.

Рано или поздно – чаще, конечно, рано – каждая юная эслада задавала вопрос, на который не имел ответа никто из взрослых: «Почему?» Почему всё устроено именно так? Почему Древние, наши полубогатые предки, точные образы которых стёрлись даже из памяти долгоживущих детей стихии, на заре времён решили объединить четыре Предела и создать на их пересечении Мир? Чем их не устраивало прежнее положение вещей?

И главное, почему они сделали это так странно? Почему нельзя было спать всё накрепко, один раз – и навсегда?

Существование других миров уже давно не являлось для нас секретом. И хотя путешествовать туда мы не пытались, а кое-кто утверждал, что это невозможно, мы наблюдали и видели, насколько не похожи все они на наш. Увы, любые теории были пусты и бездоказательны.

– Ну что, девочки, готовы? – спросила я, когда воспитанницы покончили с завтраком и увлеклись болтовнёй. Послышалось нестройное согласное бурчание, и все начали подниматься из-за стола, включая Шерху, который спустился к завтраку вместе со мной. – Ты тоже девочка? – насмешливо обратилась я к нему.

– Нет, но я тоже готов, – с улыбкой сообщил дракон.

– Лучше будет, если ты подождёшь нас здесь.

– Я торжественно обещаю никуда не лезть, ничего не ломать и никого не отвлекать. Мне просто любопытно посмотреть, как это происходит, – признался он.

– Да не в этом дело, мне не жалко. Мы отправимся в стихийном облике, а тебе там будет тяжело. Замёрзнешь, – пояснила я с сомнением. Лютый холод Ледяного Предела был родным для эслад, а вот дракону не стоило туда соваться в бытовой форме. А в стихийной тем более: холод Предела ещё быстрее выпьет его жар, чуждый этому месту.

– Не волнуйся за меня, – ещё шире оскалился Шерху. – Во-первых, у меня теперь есть хозяйка, и мне даже в бытовой форме Ледяной Предел уже не столь страшен. А во-вторых, я могу сменить ипостась на промежуточную, и в таком виде точно не пропаду.

И по заинтересованно вспыхнувшим взглядам воспитанниц я поняла, что выбора мне хитрый дракон не оставил. Если я попытаюсь возражать, они непременно начнут настаивать, уговаривать, обижаться, расстраиваться, и в итоге из запланированной на сегодня работы выйдет полная ерунда.

Пришлось согласиться. Но большой беды от присутствия дракона я действительно не ждала: он не дурак, чтобы лезть куда не следует, а ничего секретного или таинственного предстоящее действо не содержало. Рутинная и обычно довольно скучная работа.

Дракон в своём зверином облике оказался... красивым. Не гигантским, но крупным – немного выше меня, если мерить по холке и не брать во внимание длинную шею. Мощные задние ноги, более изящные передние с почти человеческими пальцами, увенчанный шипами хвост, широкие крылья, сейчас неловко сложенные, и узкая вытянутая морда – всё как на картинке, но гораздо эффектней.

Ни одна картинка не передавала столь ярко и красочно того полупрозрачного пламенеющего ореола, который окутывал фигуру дракона. И уж точно ни один даже самый волшебный рисунок не мог показать изумительного контраста, который составлял алый дракон с ослепительно-яркой равниной. Искристо-белый снег отражал живой огонь чешуи, окрашивался всеми цветами от розового до багряного, и даже рассветное солнце, кажется, приобрело невиданный доселе красноватый оттенок. Чуть прищуренные разноцветные глаза пристально наблюдали за нами, однако прочитать их выражение по морде ящера, почти лишённой мимики, было невозможно.

Залюбовалась даже сдержанная и спокойная Натрис, обычно равнодушная к внешним проявлениям прекрасного, что уж говорить о прочих! Аргис мы вовсе, кажется, потеряли на ближайшие дни: она не сводила с Шерху жадного взгляда, а пальцы непроизвольно шевелились, будто искали затерявшийся карандаш. Я сделала себе мысленную зарубку в ближайшие пару дней оставлять художницу дома и не таскать её с собой, всё равно пользы не будет. Можно даже вместе с драконом оставить, пусть рисует.

Позволив и себе, и девочкам немного полюбоваться, я мягко призвала их к порядку, и работа двинулась своим чередом.

Места, которые мы посещали, казались пустыми и дикими, и каждый раз это навевало грусть. Прежде тяжёлую, острую, мучительную, но с течением времени – всё более глухую, тихую и привычную. Всего несколько лет назад существовало не больше сотни «диких» точек, расположенных в неприглядных местах, где никто не хотел селиться, вроде берега небольшого незамерзающего озера, образованного сернистыми источниками, над которым постоянно висела плотная грязноватая дымка, или выглаженного ветрами крутого склона под нависающей плитой, с которой постоянно срывались лавины.

Но дома умерли вместе с хозяевами, из чьих чар были созданы, и Ледяной Предел казался теперь совершенно пустым.

Шерху, как обещал, вёл себя прилично. Пару раз с интересом понаблюдав за работой со стороны, лёжа на снегу, смешно подобрав под себя лапы и обвив их хвостом, и заглядывая поверх наших голов. На третий же, не дожидаясь, пока мы приступим к осмотру, взмыл в небо и некоторое время кружил, ярко алея в ослепительно чистой вышине.

Началось всё спокойно, а вот в последнем узле нас поджидал неприятный сюрприз – нестабильная рассыпающаяся структура. Тут уже стало не до дракона и красот мира, пришлось изрядно повозиться. Причём, конечно, не мне одной, девочки тоже участвовали: лишь наблюдая, ничему не научишься.

Узел – это сложное переплетение энергетических линий, соединяющих Мир с Пределами, и когда он портится, то выглядит это как груда перепутанных ниток, которые необходимо разобрать и восстановить исходный рисунок, не повредив и ничего не перепутав. То же рукоделие, только вместо иглы и цветных узоров – нити чистой силы. Поддержание в порядке узлов требует той же кропотливости, внимательности, терпения, а эти добродетели считаются женскими во всех частях Мира, и даже непоседливые вейи из Ветреного Предела справляются с этим делом лучше своих мужчин.

В Пределе узлов много и они довольно простые, в Мире – куда меньше, но устройство их гораздо запутаннее. Там они представляют собой единое основание, на которое как на ступицу опираются спицы колеса – потоки силы, связывающие Предел и Мир. Именно по этой причине переезд эслад в Мир не должен был фатально сказаться на наших обязанностях: там наши силы ограничены, порталами пользоваться гораздо сложнее, но можно постоянно жить поблизости от ключевой точки и исправно следить за состоянием узла.

Здесь мы промучились почти три часа и вымотались так, что домой всех отводила Натрис – её я сегодня гоняла меньше других, если не считать Аргис. Но рассеянной красавице, витающей в своих грёзах, я сейчас не доверила бы даже уборку без применения чар.

Наскоро подкрепившись остатками утреннего пиршества, благо еды я создала с запасом, мы разбрелись по комнатам. И сейчас я радовалась, что в этом доме нет помещений, не имеющих дверей, чем зачастую грешили эслады: на переход меня бы уже не хватило.

Когда свернули в коридор, ведущий к моей спальне, пол вдруг ушёл из-под ног. Я охнула от неожиданности, запоздало сообразив, что ничего страшного не происходит, просто Шерху, который весь день следовал за мной тенью и с самого утра не произнёс ни слова, решил напомнить о себе и подхватил меня на руки.

– Что ты делаешь? – спросила я, но сопротивляться не стала. Забота дракона, чем бы она ни объяснялась, была приятна.

– Собираюсь обеспечить себе здоровое питание на ближайшие годы, – хмыкнул чешуйчатый.

– Что? – уточнила я, недоуменно вскинув брови.

– В таком состоянии тебе не хватает сил на эмоции, значит – я остаюсь голодным, – доходчиво пояснил дракон. – За один день со мной, конечно, ничего не случится, но, если ты продолжишь так себя выжимать, толком не отдохнув сейчас, я скоро снова стану слабым, вялым и скучным. Стоило ли заводить себе хозяйку, если от неё никакой пользы?

– Эгоист, – фыркнула я, зевнула и пристроила голову у него на плече.

Вроде бы умом я понимала, что говорит он не самые хорошие вещи и говорит их, несмотря на ухмылку, вполне серьёзно. Но почему-то сейчас было совсем не обидно, а даже как будто приятно. Не от слов, конечно, они просто соскальзывали по краю утомлённого сознания, не трогая его глубоко; от звука голоса, от тёплых рук, от твёрдого плеча и спадающих на него, щекоча мой нос, алых прядей.

Древние с ними, с мотивами. Шерху прав, иногда двое вместе просто потому, что поодиночке не выжить. И ещё большой вопрос, какая из двух жизней, моя или его, сейчас сильнее зависит от присутствия рядом второй...

* * *

– Загоняй, загоняй! Слева заходи! Да не с того лева... Ну!!!

– Вверх, вверх, уйдёт же!

Звонкий девичий визг разносился над широкой равниной, и казалось, что окружающие льдистые пики от особо пронзительных вскриков приседают и ёжатся.

– Радис, сзади!

– Аргис!!! – от возмущённого вопля на несколько голосов даже я дёрнулась, а бедная художница и вовсе испуганно шарахнулась в сторону и едва не врезалась в скалу. Хорошо, в стихийном облике мы в Ледяном Пределе просто не способны случайно погибнуть или даже травмироваться.

Я раньше и не слышала, чтобы мои сородичи использовали эту форму для полётов, мы вообще не задумывались о таком способе передвижения – зачем, если есть мгновенные порталы? Но оказалось, это не просто возможно, но ещё довольно удобно. И сейчас девочки, осваивая новое для себя умение, вчетвером гоняли дракона. То есть с их стороны это выглядело именно так, но я готова была поручиться в обратном. Миниатюрные фигурки эслад, похожие на укутанные вьюгой хрустальные статуэтки, лишь казались более юркими, чем крупный чешуйчатый ящер, но на практике они пока так и не научились уверенно маневрировать, а главное, правильно гасить инерцию и останавливаться именно тогда, когда нужно.

Развлекались они так уже не первый раз, но пока Шерху выигрывал с разгромным счётом. Цель была простая: накинуть на шею дракона обыкновенную верёвочную петлю. Поначалу они предлагали стихийный аркан, но я отговорила: так нечестно, да и опасно для огненного создания, а это всё-таки игра, не драка.

Дракон в нашей компании прижился удивительно быстро и крепко. Прошло меньше месяца с появления чужака, а мне уже трудно представить дом без чешуйчатого найдёныша. Казалось, он был здесь всегда. Помогал в обучении девочек, как будто с удовольствием проводил с нами все время, участвовал вот в таких играх, позировал для Аргис, отвечал на провокационные вопросы Радис.

В моей спальне и моей кровати он тоже обосновался столь уверенно, что идея выставить его оттуда возникала лишь случайно, мимоходом. В спальне, в жизни, в мыслях... Нахальный приبلудный дракон, которого мы выбрали и выходили из жалости, как-то незаметно стал в доме *хозяином*. Жил со мной как законный супруг, и я, пытаясь взглянуть на себя со стороны, искренне изумлялась, как же всё это получилось. Однако, не находя ответа, просто откладывала все эти рассуждения на неопределённое «потом»: кажется, благодаря дракону я научилась получать удовольствие от сегодняшнего дня и перестала задумываться о будущем.

Сложнее всего оказалось перебороть ревность. Наблюдая за тем, как быстро Шерху сходится с моими воспитанниками, какое доверие они к нему питают и как легко общаются, я ужасно завидовала дракону.

За прошедшие годы я так и не сумела *подружиться* с юными эладами. Со своим стремлением всё сделать *правильно, хорошо*, с патологической боязнью где-то ошибиться, основанных на недостатке уверенности в своих силах и опыта, я казалась девочкам слишком занудной для доверительных отношений. Или не казалась, а стала такой. В тот самый момент, когда переступила порог своего дома в сопровождении семи юных воплощений стихии, ещё не способных толком принимать бытовую форму.

Я привыкла нести ответственность за всех нас, следить за каждым словом, всё контролировать и предусматривать, учитывать все мелочи. И как-то удивительно быстро превратилась из увлечённой своими научными экспериментами, чуть рассеянной молодой девушки в рассудительную до педантизма и... увы, весьма скучную особу.

Когда я последний раз делала что-то только потому, что мне так хочется, не оглядываясь на окружающий мир? Пожалуй, хоть иногда выкидывать из головы лишние мысли я начала только с появлением дракона, и то лишь после того, как мужчина прилагал к этому определённые усилия. Зачем это было ему нужно? Хороший вопрос, на который я не могла ответить.

Нынешнее их развлечение было в этом смысле весьма показательным. Мне, например, никогда не пришло бы в голову полетать и подурачиться с девочками, хотя двадцать лет назад я бы, наверное, с большим удовольствием присоединилась к этому веселью. А сейчас... Хорошо, что есть Натрис, которой всё это не интересно и с которой мне гораздо легче, чем с остальными воспитанницами. И Аурис, которая боится таких шумных игр и которую моё занудство успокаивает. И хозяйственно-серьёзная Индис, рядом с которой даже я порой чувствую себя ребёнком – столько в ней какой-то природной, исконной мудрости.

Сегодня регулярный обход узлов прошёл спокойно, поэтому у девочек остались силы на возню, а я не возражала и, пока они носились, обсуждала практические вопросы с воспитанницами, не желавшими участвовать в безобразиях.

Таких дней выдавалось куда больше, чем напряжённых. Говорят, с течением времени энергетическая ситуация улучшается. Не так быстро, чтобы я могла сама это заметить, но мама рассказывала, что во времена её юности сложные разрывы встречались чаще и требовали куда больше усилий, чем нынешние.

– Что здесь происходит?! – раскатисто прогремел гневный голос, заставив вздрогнуть, кажется, всех, включая дракона.

Я стремительно развернулась, инстинктивно подаваясь вперёд, чтобы закрыть от неизвестной угрозы девочек. Хорошо, что я привыкла чувствовать себя в Ледяном Пределе в безопасности и потому не ударила сразу: невежливо бы получилось.

– Здравствуйте, Тешенит, – кивнула пришельцу, расслабляя пальцы и опуская руки, вскинутые для удара.

– Я спрашиваю, что здесь происходит? – насупился булл.

– Что вы имеете в виду? – вновь напряглась я.

Несмотря на то, что здесь я была дома, а пришелец находился в заведомо проигрышном положении, под его взглядом мне сделалось не по себе – слишком он подавляющий.

Буллы, уроженцы Каменного Предела и воплощение стихии земли, выглядят как огромные, под три метра ростом, каменные статуи превосходно сложенных мужчин и женщин. Тешенит чёрно-зелёный с ярко-белыми, чуть светящимися глазами. В своём стихийном облике они наиболее выносливы по сравнению с прочими обитателями Мира: буллы способны находиться во всех Пределах без ущерба для здоровья.

Патологически честные, упорные и буквально помешанные на равновесии, дети камня исторически выполняют роль судей в распрях между остальными стихийными существами, пользуясь всеобщим уважением. О них единственных даже наши мужчины отзывались с долей симпатии – как об эталоне беспристрастности и спокойствия.

После войны именно буллы взяли на себя контроль за исполнением Договора. Тешенит порой навещал нас с девочками, чтобы проверить, всё ли в порядке, и был едва ли не единственным нашим гостем. Со свойственным им всем педантизмом, булл честно предупреждал, когда появится в следующий раз, а я кивала и тут же выкидывала эти сведения из головы. Ну, может, не тут же, но через несколько дней – точно. Когда живёшь веками и не привыкла куда-то спешить, очень сложно считать дни.

– Что делают девочки? – громыхнул Тешенит.

– Это совсем не то, о чём вы подумали, – с облегчением заговорила я, сообразив, в чём именно он заподозрил моих воспитанниц. – Я сейчас всё объясню!

Однако продолжить я не успела, мою речь прервал Шерху. Он камнем рухнул вниз, резко вышел из пике почти у самой земли, в воздухе сменил ипостась и приземлился уже на собственные ноги буквально в паре метров от нас.

– Нет нужды что-то объяснять, – резко проговорил он, подходя ближе.

Остановился рядом со мной, уверенным хозяйским жестом обнял, не сводя взгляда с булла. Дракон словно ревновал, видел в Тешените соперника. Я нахмурилась, насторожённо покосившись на чешуйчатого, и вновь перевела взгляд на булла. Тот, даже несмотря на скудость мимики, был не просто удивлённым – шокированным.

– Я здесь по собственной воле, и этого ему вполне достаточно, – продолжил тем временем Шерху.

Девочки, видя, что происходит нечто неправильное и непонятное, сгрудились возле нас. Аурис ухватила за мою ладонь и прижалась к боку, а Радис, цепляясь за локоть дракона, тревожно выглядывала из-за его плеча. Остальные хмурились и тоже по возможности жались ближе. Натрис и Тулис – я чувствовала – даже держали наготове переход.

Несколько секунд висела напряжённая, наэлектризованная тишина. Я в полной растерянности осознала, что Шерху не просто готов защищать меня – нас всех, – а всерьёз намерен это делать прямо сейчас, в каменном прищельце он видит врага и настоящую угрозу, и ревность ко всему этому не имеет ни малейшего отношения.

Тешенит, конечно, серьёзный и монументальный, рядом с ним все мы казались детьми, да и его суровая сдержанность не располагала к дружеским отношениям, но... драться с ним? Зачем?!

Я почти решилась переступить через вдолбленное ещё в детстве наставление – женщина ни в коем случае не должна лезть между двух спорящих мужчин – и вмешаться, но это, к счастью, не понадобилось.

– Как ты сюда попал? – спросил булл, кажется, вполне ровным и миролюбивым тоном. Я плохо разбиралась в оттенках эмоций детей Каменного Предела, но мне хватило того, что Шерху ощутимо расслабился и перестал искрить глазами, а губы его искривила привычная насмешливая улыбка.

– Так же, как и ты, порталом. Что тебе здесь надо? – ухмылка не сошла с лица, но тон оставался серьёзным и неприязненным. Дракон ясно давал понять, что видеть своего собеседника не желает и делает большое одолжение, выслушивая его.

– Уж точно не ты, – окончательно справившись с удивлением, твёрдо ответил Тешенит.

– Он регулярно приходит нас навестить, – пояснила я. – Сегодня, видимо, подошёл срок.

Не знаю, откуда они знакомы и что не поделили, но вечером непременно задам этот вопрос дракону. Я, конечно, привыкла, что он постоянно недоговаривает и уходит от ответов, и за прошедший месяц почти перестала интересоваться его прошлым, но вот это – уже слишком.

– Не совсем, – возразил булл. – Мне нужно кое-что с вами обсудить.

– Да, конечно. Пойдёмте в дом, здесь не самое лучшее место. Натрис?

– Держу, – кивнула она, и мы вереницей потянулись в проход. Сначала воспитанницы, потом гость, потом мы с драконом.

Портал вывел нас в небольшой двусветный холл – сюда попадали из переходов чужие, кто не имел права перемещаться по дому. Мысленно похвалив Натрис за предусмотрительность, я обратилась к гостю:

– Давайте поговорим в кабинете. Девочки, вы можете отдыхать, – разрешила я.

Воспитанницам явно хотелось присутствовать при разговоре, он наверняка касался их напрямую, но спорить никто не стал: они знали, что я непременно всё расскажу потом и не стану скрывать от них какие-то подробности.

– Шерху... – обратилась я к дракону, но тот не дал договорить:

– И думать забудь, один на один я тебя с ним не оставлю.

Тешенит, в доме переменивший форму на бытовую и теперь выглядевший как высокий крепкий мужчина с тёмно-серой кожей и почти белыми волосами, недовольно поморщился, но промолчал. Я смирила дракона озадаченным взглядом и кивнула. Судя по выражению лица, Шерху был готов отстаивать своё желание присутствовать при беседе даже с боем.

Да что у них там случилось?! О чём пришёл говорить булл?

Однако с вопросами я решила повременить. Вот чего точно не стоит делать, так это суетиться, две минуты ничего не изменят.

Кабинет раньше принадлежал мужу. Обстановка не отличалась разнообразием: широкий стол, несколько кресел и стеллажи с книгами. Много стеллажей и много книг – это один из предметов, которые не способна создать магия стихийного существа. Казалось бы, готовые блюда, предметы одежды или мебели не проще, но с рукописным или печатным текстом подобное не получалось. Единственное, чем мы облегчали себе жизнь в этом вопросе, так это созданием дубликатов, и то для этого приходилось повозиться и потратить много сил. Так что книги в большинстве своём приносились мужчинами из Мира.

После смерти Иккаса я почти ничего здесь не меняла: казалось правильным, чтобы о нём оставалась хотя бы такая память, если другую сохранить не удалось. Может, всё было бы иначе, окажись у меня родная дочь или сын? Но увы, дети у стихийных существ появляются очень редко и только тогда, когда оба родителя этого по-настоящему хотят. И исключительно в супружеской паре, потому что у смертных брачный обряд – формальность, а у эслад он определённым образом перестраивает энергетические структуры обоих супругов, обеспечивая возможность появления потомства. Потому что в одиночестве мы – полная противоположность драконов, замкнутые неделимые структуры, и без такого вмешательства извне попросту не способны к воспроизводству. К слову, подобное ограничение возникает только при контакте двух эслад, со смертными всё проще. Во всяком случае, в теории, потому что я не помнила за последние тысячелетия случая, когда дитя Ледяного Предела заводило семью с жителем Мира.

– Я вас слушаю, Тешенит, – обратилась я к булле, усаживаясь в кресло у стола. – Что случилось?

Каменный гость расположился напротив, а дракон нашему примеру следовать не спешил. Опять встал рядом со мной, скрестив на груди руки и всем видом давая собеседнику понять, что ему тут не рады.

Поскольку поведения Шерху я не понимала совсем, а расспросить его прямо сейчас не могла, оставалось только сделать вид, что чешуйчатого вовсе не существует. А это было трудно, нависающая фигура мужчины подавляла и постоянно оттягивала на себя внимание.

– Ничего страшного или неожиданного, – успокоил он. – Просто подготовили списки тех, кто мог бы составить пару вашим воспитанницам, я принёс бумаги. Ну и, кроме того, назначена дата перехода. Через месяц они будут готовы?

– Да, но... ведь речь шла об отправке через полгода, – пробормотала я потерянно, принимая из рук мужчины стопку документов.

– Несколько месяцев ничего не изменят, – пожал плечами Тешенит. – У девочек хватит времени ознакомиться с возможными кандидатами, да и потом, в Мире, никто не станет торопить их с выбором. Договор будет соблюдаться неукоснительно.

– Хорошо, – глубоко вздохнув, потерянно кивнула я. – Месяц – значит, месяц.

– За девочками приду я, вы проводите их, – продолжил булл.

– Вы хотите увести их одних?! – испуганно вскинулась я.

– Но ведь они взрослые, – пожал плечами булл. – И могут контролировать свои силы. Значит, способны разобраться в окружающем мире. Вы ведь не планируете держать их за руки до конца жизни? К тому же в договоре было сказано именно о детях.

– Да, но... – слабо запротестовала я.

В груди вдруг стало нестерпимо холодно и пусто. Я знала, что мне придётся с ними расстаться, но... вот так? Выгнать их из дома и не помочь, не поддержать?!

– Нет, – веско уронил Шерху, и мне на плечо легла тяжёлая ладонь дракона, показавшаяся горячей даже сквозь одежду. – Мы пойдём с ними.

– Шерху, не лезь не в своё дело, – хмуро одёрнул его булл, вновь подтвердив их знакомство.

– Ошибаешься, это моё дело, – ухмыльнулся чешуйчатый. – Актис – моя ратри, а забота о благополучии ратри – естественный инстинкт каждого дракона. От такого решения моей ратри будет плохо, значит, оно не будет принято.

Тешенит смерил его тяжёлым немигающим взглядом, и некоторое время мужчины молча играли в гляделки. Я окончательно перестала понимать, что происходит, да уже и не стремилась к этому пониманию. Сердце торопливо колотилось в горле, было отчего-то до одури страшно, как будто от скопившегося между мужчинами напряжения вот-вот рухнет весь Ледяной Предел или как минимум испарюсь я. И крепкая ладонь дракона, ободряюще сжимавшая моё плечо, оставалась единственным якорем, удерживающим меня в реальности.

– Шерху, ты поступаешь опрометчиво, – булл предпринял ещё одну попытку настоять на своём.

– Время покажет, – ядовито процедил в ответ дракон.

– Мне кажется, ты не сын огня, а дитя земли! С таким упрямством ты должен был родиться в Каменном Пределе, – проворчал Тешенит и поднялся с места, после чего коротко поклонился, прощаясь, и вышел.

Несколько секунд в кабинете висела тишина, а вскоре я ощутила, что незванный гость покинул Ледяной Предел.

Кажется, как-то это понял и Шерху, потому что ладонь его разжалась, но тут же нырнула мне в волосы, лаская и аккуратно массируя. Он мягко потянул меня ближе, слегка прижал голову к своему боку, продолжая поглаживать. Я прикрыла глаза, ощущая блаженство и не в силах на чём-то сосредоточиться. В голове было пусто, я чувствовала себя настолько вымотанной, будто не пару минут поговорила с неплохо знакомым буллом, а восстановила несколько самых сложных разрывов.

– Всё будет хорошо, – ровно проговорил дракон. – Ничего не бойся, я с тобой.

– Шерху, что это было? – не открывая глаз, спросила я. – Что у вас с ним за разногласия? Почему он не хотел, чтобы я отправлялась с девочками? И почему мне сейчас так плохо?!

– Разногласия... – повторил он и презрительно фыркнул. – Не люблю я эти булыжники. А Тешенит – один из самых занудных, дотошных и упёртых. В случае с ним это уже даже не «не люблю», а без пяти минут «ненавижу». И вот за это – в том числе. Видишь ли, буллы умеют... давить волей. На чувства, на эмоции. Если они сознают свою правоту, они могут использовать это знание для воздействия на других.

– Хочешь сказать, он сейчас делал это? Давил на меня? – тут же встрепенулась я и отклонилась в сторону, чтобы взглянуть в лицо мужчине. – Но погоди, они справедливые, честные, а это... это низко! Получается, всё, написанное в книгах, ложь?!

– Они воздействуют непроизвольно, – нехотя ответил дракон, чуть поморщившись. – Всё дело в том, что ты сомневалась, а он – точно знал, что прав, и поэтому подталкивал тебя к верному, с его точки зрения, решению. Да, они честные и прямолинейные, даже в чём-то благородные, но чёрствые и порой слишком беспристрастные.

– А почему он не сумел воздействовать на тебя? – спросила я.

– Потому что я тоже точно знал, что прав, – усмехнулся Шерху.

– А откуда такая спешка? Почему месяц вместо полугода? Или я снова ошиблась в подсчётах?

– Наверное, буллы решили дать девочкам больше времени, чтобы привыкнуть и освоиться среди смертных, – сказал он. – Вы же будете первыми, поэтому пока всё так... неопределённо.

– Ты так и не ответил на главный вопрос, – переменяла я тему и поднялась, чтобы не запрокидывать голову, глядя на собеседника. – Что это было? Что произошло и почему этот булл назвал тебя упрямым? Вы как будто продолжали какой-то состоявшийся прежде разговор.

Руки дракона тут же обвили мою талию; кажется, чешуйчатый наглец решил уже знакомым способом отвлечь меня от неудобной для него темы. Но в этот раз я была полна решимости докопаться до сути или хотя бы побороться за эту возможность, поэтому уперлась ладонями в мужскую грудь и чуть отклонилась, не позволяя себя поцеловать. Шерху слегка сощурился, глаза сверкнули как будто недобро, но я стойко выдержала его взгляд.

– Я же объяснял, – вздохнул дракон. – Актис, ты совершенно не умеешь связывать факты.

– Ты это уже говорил, – огрызнулась я.

– Извини, я просто не представляю, как ты сумеешь вписаться в Мир. Ты слишком наивная.

– Не отвлекайся, – одёрнула его.

– Как пожелает хозяйка, – ухмыльнулся он. – Я говорил, что Мир не согласится принять взрослых эслад. Только это было не предположение, а уверенность. Буллы решили, что вы Миру не нужны и должны остаться в своём Пределе. Они... хм. Их справедливость – это равновесие интересов всех сторон, а взрослые эслады несут в себе опасность. Не смертельную, но риск, с точки зрения буллов, не стоит возможной выгоды. В масштабах Мира проще пожертвовать тремя десятками эслад.

– А ты не согласен с этим решением?

– А я любопытный. – Он с безмятежной улыбкой пожал плечами. – Поскольку я никогда не видел взрослых эслад женского пола, решил, что будет интересно взглянуть на вас и составить собственное впечатление. На тот момент я был свободным драконом безо всяких обязательств, поэтому мог позволить себе подобную прогулку.

– На тот момент. А сейчас? – машинально переспросила я.

– А сейчас у меня есть ты и девочки, – дракон вновь пожал плечами.

– Ничего не понимаю, – призналась я. – Ладно я. Твои слова про ратри звучат довольно безумно, но они хоть что-то объясняют. А при чём здесь девочки?!

– Актис, ты решительно не желаешь думать! – вновь попенял он. – Драконы – стайные существа, это заложено в нас природой. Да, сейчас мы больше сосредотачиваемся на ратри или, вернее, способны обходиться только этим обществом. Но в такой ситуации, как сейчас, это... трудно. Замкнутое небольшое сообщество, близкие тёплые отношения – волей-неволей начнёшь привыкать. Кроме того, вы не смертные, вы стихийные создания и ощущаетесь почти как драконы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.